Информация для цитирования:

Федосеев А. А. Гражданско-правовой принцип сотрудничества в доктрине континентального права: распространение за пределы договорных правоотношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 346–371. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-346-371.

Fedoseev A. A. Grazhdansko-pravovoy printsip sotrudnichestva v doktrine kontinental'nogo prava: rasprostranenie za predely dogovornykh pravootnosheniy [The Civil Law Principle of Cooperation in the Continental Law Doctrine: Extension Beyond Contractual Legal Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 52. Pp. 346–371. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-346-371.

УДК 347.121.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-346-371

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП СОТРУДНИЧЕСТВА
В ДОКТРИНЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРАВА:
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗА ПРЕДЕЛЫ ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90007

А. А. Федосеев

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: aleksander-fl@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.10.2020

Введение: в статье рассматривается гражданско-правовой принцип сотрудничества относительно возможностей его реализации в различных гражданско-правовых отношениях. Традиционно принцип сотрудничества рассматривается как в российской, так и в зарубежной литературе как принцип исполнения договорного обязательства либо как группа дополнительных обязанностей сторон договора, проистекающих из принципа добросовестности. Более детальное рассмотрение идеи сотрудничества позволяет сделать вывод о реализуемости данного принципа и в других видах гражданско-правовых отношений. **Цель:** обосновать возможность реализации принципа сотрудничества в иных, помимо договорных, гражданско-правовых отношениях, а именно: в вещных, преддоговорных правоотношениях и обязательствах из причинения вреда (охранительных правоотношениях). **Методы:** общенаучный диалектический метод; частнонаучные методы: метод сравнительного правоведения, формально-юридический метод, юридико-догматический метод, историко-правовой метод. **Результаты:** анализ содержания правового регулирования таких относительных правоотношений, как договорные, преддоговорные и охранительные, а также вещных правоотношений, как разновидности абсолютных правоотношений показал, что принцип сотрудничества успешно реализуется в данных видах правоотношений. Это позволяет говорить об отраслевом характере рассматриваемого принципа. **Выводы:** принцип сотрудничества выполняет две функции: во-первых, способствует более эффективному достижению цели гражданского правоотношения; во-вторых, служит механизмом преодоления непредвиденных обстоятельств, препятствующих достижению цели правоотношения. Данные функции реализуются во всех рассмотренных видах правоотношений: в договорных – когда возни-

© Федосеев А. А., 2021

Information for citation:

Fedoseev A. A. Grazhdansko-pravovoy printsip sotrudnichestva v doktrine kontinental'nogo prava: rasprostranenie za predely dogovornykh pravootnosheniy [The Civil Law Principle of Cooperation in the Continental Law Doctrine: Extension Beyond Contractual Legal Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 52. Pp. 346–371. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-346-371.

Fedoseev A. A. Гражданско-правовой принцип сотрудничества в доктрине континентального права: распространение за пределы договорных правоотношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 346–371. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-346-371.

UDC 347.121.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-346-371

**THE CIVIL LAW PRINCIPLE OF COOPERATION IN THE
CONTINENTAL LAW DOCTRINE:
EXTENSION BEYOND CONTRACTUAL LEGAL RELATIONS**

Acknowledgments: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-311-90007

A. A. Fedoseev

Perm State University

E-mail: aleksander-fl@yandex.ru

Received 15.10.2020

Introduction: the article analyzes the possibility of the civil law principle of cooperation being implemented in various types of relations under civil law. Traditionally, the cooperation principle is considered in both Russian and foreign literature as the principle of fulfillment of a contractual obligation or as a group of additional duties imposed on the parties to a contract and arising from the good faith principle. A more detailed study of the idea of cooperation allows us to draw a conclusion about the feasibility of this principle in other types of relations under civil law. **Purpose:** to justify the possibility of the cooperation principle being implemented in civil law relations other than contractual relations, namely in legal relations in rem, pre-contractual legal relations, and obligations arising from the infliction of harm (i.e. obligations in tort, or protective legal relations). **Methods:** general scientific dialectical method; special scientific methods such as the method of comparative law, the technical method, the legal-dogmatic method, the historical-legal method. **Results:** analysis of legal regulation of such relative legal relations as contractual, pre-contractual, and protective, as well as legal relations in rem as a form of absolute legal relations, has shown that the cooperation principle is successfully implemented in these types of legal relations. Therefore, it is possible to consider this principle to pertain to the branch of civil law as a whole. **Conclusions:** the cooperation principle performs two functions: first, based on this principle, it is possible to achieve the purpose of civil law relations in a more efficient way; second, this principle serves as a mechanism to overcome unforeseen circumstances that prevent the purpose of legal relations from being achieved. These functions are carried out in all the types of legal relations considered: in contractual relations – when there arise obstacles to the performance of a contract not specified in the contractual provisions; in pre-contractual relations – when there

© Fedoseev A. A., 2021

кают препятствия к исполнению договора, не предусмотренные содержанием договора; в преддоговорных – когда возникают препятствия для достижения цели переговоров (заключения гражданско-правового договора); в охранительных – когда создается риск увеличения вреда или невозможности в полном объеме оперативно компенсировать ущерб; в вещных – когда происходит случайная утрата вещи обладателем права на нее.

Ключевые слова: принцип сотрудничества; принцип добросовестности; принцип содействия; обязанность сотрудничать; “duty to cooperate”; Treu und Glauben, bonne foi; bona fides; преддоговорные правоотношения

**THE CIVIL LAW PRINCIPLE OF COOPERATION IN THE
CONTINENTAL LAW DOCTRINE:
EXTENSION BEYOND CONTRACTUAL LEGAL RELATIONS**

Acknowledgments: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-311-90007

A. A. Fedoseev

Perm State University
E-mail: aleksander-fl@yandex.ru

Received 15.10.2020

Introduction: the article analyzes the possibility of the civil law principle of cooperation being implemented in various types of relations under civil law. Traditionally, the cooperation principle is considered in both Russian and foreign literature as the principle of fulfillment of a contractual obligation or as a group of additional duties imposed on the parties to a contract and arising from the good faith principle. A more detailed study of the idea of cooperation allows us to draw a conclusion about the feasibility of this principle in other types of relations under civil law. **Purpose:** to justify the possibility of the cooperation principle being implemented in civil law relations other than contractual relations, namely in legal relations in rem, pre-contractual legal relations, and obligations arising from the infliction of harm (i.e. obligations in tort, or protective legal relations). **Methods:** general scientific dialectical method; special scientific methods such as the method of comparative law, the technical method, the legal-dogmatic method, the historical-legal method. **Results:** analysis of legal regulation of such relative legal relations as contractual, pre-contractual, and protective, as well as legal relations in rem as a form of absolute legal relations, has shown that the cooperation principle is successfully implemented in these types of legal relations. Therefore, it is possible to consider this principle to pertain to the branch of civil law as a whole. **Conclusions:** the cooperation principle performs two functions: first, based on this principle, it is possible to achieve the purpose of civil law relations in a more efficient way; second, this principle serves as a mechanism to overcome unforeseen circumstances that prevent the purpose of legal relations from being achieved. These functions are carried out in all the types of legal relations considered: in contractual relations – when there arise obstacles to the performance of a contract not specified in the contractual provisions; in pre-contractual relations – when there arise obstacles to achieving the purpose of negotiations (i.e. conclusion of a civil law contract); in protective relations – when there is a risk of an increase in harm or a risk of inability to fully reimburse damage in a timely manner; in relations in rem – when there occurs an accidental loss of a thing by the right holder.

Keywords: cooperation principle; good faith; duty to cooperate; Treu und Glauben; bonne foi; bona fides; pre-contractual legal relations

arise obstacles to achieving the purpose of negotiations (i.e. conclusion of a civil law contract); in protective relations – when there is a risk of an increase in harm or a risk of inability to fully reimburse damage in a timely manner; in relations in rem – when there occurs an accidental loss of a thing by the right holder.

Keywords: cooperation principle; good faith; duty to cooperate; Treu und Glauben; bonne foi; bona fides; pre-contractual legal relations

Information in Russia

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП СОТРУДНИЧЕСТВА
В ДОКТРИНЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРАВА:
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗА ПРЕДЕЛЫ ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90007

А. А. Федосеев

Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: aleksander-fl@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.10.2020

Введение: в статье рассматривается гражданско-правовой принцип сотрудничества относительно возможностей его реализации в различных гражданско-правовых отношениях. Традиционно принцип сотрудничества рассматривается как в российской, так и в зарубежной литературе как принцип исполнения договорного обязательства либо как группа дополнительных обязанностей сторон договора, проистекающих из принципа добросовестности. Более детальное рассмотрение идеи сотрудничества позволяет сделать вывод о реализуемости данного принципа и в других видах гражданско-правовых отношений. **Цель:** обосновать возможность реализации принципа сотрудничества в иных, помимо договорных, гражданско-правовых отношениях, а именно: в вещных, преддоговорных правоотношениях и обязательствах из причинения вреда (охранительных правоотношениях). **Методы:** общенаучный диалектический метод; частнонаучные методы: метод сравнительного правоведения, формально-юридический метод, юридико-догматический метод, историко-правовой метод. **Результаты:** анализ содержания правового регулирования таких относительных правоотношений, как договорные, преддоговорные и охранительные, а также вещных правоотношений, как разновидности абсолютных правоотношений показал, что принцип сотрудничества успешно реализуется в данных видах правоотношений. Это позволяет говорить об отраслевом характере рассматриваемого принципа. **Выводы:** принцип сотрудничества выполняет две функции: во-первых, способствует более эффективному достижению цели гражданского правоотношения; во-вторых, служит механизмом преодоления непредвиденных обстоятельств, препятствующих достижению цели правоотношения. Данные функции реализуются во всех рассмотренных видах правоотношений: в договорных – когда возникают препятствия к исполнению договора, не предусмотренные содержанием договора; в преддоговорных – когда возникают препятствия для достижения цели переговоров (заключения гражданско-правового договора); в охранительных – когда создается риск увеличения вреда или невозможности в полном объеме оперативно компенсировать ущерб; в вещных – когда происходит случайная утрата вещи обладателем права на нее.

Ключевые слова: принцип сотрудничества; принцип добросовестности; принцип содействия; обязанность сотрудничать; “duty to cooperate”; Treu und Glauben, bonne foi; bona fides; преддоговорные правоотношения

Введение

Проблема реализации идеи социального сотрудничества в рамках частноправовых отношений актуальна для многих государств, включая страны континентальной Европы и Россию.

Долгое время считалось, что сотрудничество, как форма социального взаимодействия или модель построения регулируемых правом отношений, может быть использована только в рамках узкого круга договорных отношений. Однако в настоящее время обнаруживают себя развитие идеологии общественной солидарности и накопление социальных противоречий, что все больше обостряет необходимость в появлении универсального правового инструмента, который бы позволял реализовать концепцию социального сотрудничества не только в рамках гражданско-правовых договоров, но и в других регулируемых правом частных отношениях. Таким инструментом может быть то, что в Западной Европе принято называть «обязанность сотрудничать», а в России – «принцип сотрудничества».

Актуальность исследования. Ввиду отсутствия комплексных правовых исследований феномена сотрудничества применительно к иным, помимо договорных, правоотношениям изучение возможности реализации доктрины социального сотрудничества посредством правовых средств по-прежнему остается актуальным. Об этом свидетельствуют четыре аспекта: социальный, экономический, правоприменительный и правотворческий.

Социальный аспект демонстрирует важность поддержки отношений сотрудничества в обществе. Так, исследования социальных взаимодействий с применением методологии теории игр на примере игровых моделей «Дилемма заключенного» и «Повторяющаяся дилемма заключенного» показали, что социальное взаимодействие по модели сотрудничества является для человека желаемым и естественным способом построения отношений [20] даже в условиях ограниченности или отсутствия информации о контрагенте [30].

Те же исследования обнажили другую проблему: оказалось, что субъекты социального взаимодействия принимают решение о по-

строении своих отношений по модели сотрудничества только в том случае, если осознают, что отказ от сотрудничества сегодня поставит их в невыгодное положение завтра. Это приводит к двум возможным последствиям: 1) либо отношения по модели сотрудничества не развиваются; 2) либо динамика отношений по модели сотрудничества структурируется на два этапа – «ознакомительный» этап, когда контрагенты проверяют друг друга на возможность доверия и сотрудничества, и этап собственно сотрудничества. Первое последствие приводит к росту транзакционных издержек, так как требует от субъектов гражданского оборота прилагать больше усилий на проверку контрагентов. Второе последствие увеличивает время, необходимое для формирования эффективного взаимодействия по модели сотрудничества. Одним словом, оба варианта являются для общества и каждого его члена в отдельности менее выгодными, чем изначальное сотрудничество.

Для того чтобы такое «изначальное сотрудничество» возникло, необходимо создать соответствующие условия, при которых гражданский оборот представлял бы из себя аналог повторяющейся дилеммы заключенного. Это возможно только посредством стимулирования отношений сотрудничества со стороны третьего лица, авторитет которого признается участниками гражданского оборота. Из известных нам, на роль такого субъекта больше всего подходит государство, так как только государство имеет легитимную возможность принуждать участников гражданского оборота действовать определенным образом.

В связи с тем, что институциональным регулятором частноправовых отношений в странах континентального права, включая Западную Европу и Россию, является гражданское право, такое стимулирование должно быть реализовано посредством гражданско-правового регулирования на уровне принципов права или всеобщих абстрактных обязанностей, воздействующих на все регулируемые гражданским правом общественные отношения.

Экономический аспект демонстрирует востребованность идеи сотрудничества для бизнес-структур.

В экономической науке уже более тридцати лет развивается учение о конкурентном со-

Introduction

Implementation of the idea of social cooperation within the framework of private law relations is a problem of interest to legal theory and practice in many states, including those of continental Europe and Russia.

For a long time, it has been considered that cooperation as a form of social interaction or a model for building relations regulated by law could only be used within a narrow range of contractual relations. However, it is now becoming quite clear that the development of the social solidarity ideology and the accumulation of social contradictions are increasingly aggravate the need for a universal legal instrument which would make it possible to implement the social cooperation concept not only in the framework of civil law contracts but also in other private relations regulated by law. Such a tool may be what is commonly referred to as the 'duty to cooperate' in Western Europe, and the 'cooperation principle' in Russia.

Relevance of the study. In view of the lack of comprehensive legal studies of the cooperation phenomenon in relation to legal relations other than contractual ones, of particular interest is the study of the possibility of implementing the social cooperation doctrine through legal means. This is evidenced by four aspects: social, economic, law-enforcement, and law-making.

The social aspect demonstrates the importance of supporting cooperative relations in society. For example, research on social interactions with the use of game theory methodology based on the game models 'prisoner's dilemma' and 'iterated prisoner's dilemma' has shown that social interaction based on the cooperation model is a desirable and natural way for people to build relations [20] even in the context of limited or no information about the counterpart [30].

The same studies revealed another problem: it turned out that the social interaction partici-

pants decide to build their relations based on the cooperation model only if they realize that failure to cooperate today will put them at a disadvantage tomorrow. This leads to two possible consequences: 1) either relations based on the cooperation model do not develop, 2) or the dynamics of the relations based on the cooperation model is structured into two stages – the 'familiarization' stage, when the counterparties check each other for the possibility of trust and cooperation, and the actual cooperation stage. The first consequence leads to an increase in transaction costs, as it requires parties to civil transactions to put more effort into checking counterparties. The second consequence increases the time it takes to form an effective interaction based on the cooperation model. In short, both options are less beneficial for society and each of its individual members than the initial cooperation.

In order for such 'initial cooperation' to appear, it is necessary to create appropriate conditions in which civil turnover would be analogous to the repeated prisoner's dilemma. This is only possible by encouraging cooperation relations on the part of a third party whose authority is recognized by the parties to a civil transaction. Of those we know, the most suitable for the role of such an entity is the state since only the state has the legitimate ability to force parties to civil transactions to act in a certain way.

Due to the fact that the institutional regulator of private-law relations in continental law countries, including Western Europe and Russia, is civil law, this incentive must be implemented through civil-law regulation at the level of legal principles or universal abstract duties affecting all social relations regulated by civil law.

The economic aspect demonstrates the relevance of the cooperation idea to business structures.

Over thirty years, in economic science has been developing the competitive cooperation

трудничестве [21; 33], ознаменовавшее появление сетевой формы хозяйственной деятельности, предполагающей создание между независимыми хозяйствующими субъектами системы долгосрочных связей (межфирменных сетей), построенных на принципе единства конкуренции и сотрудничества.

В рамках антимонопольного права в последние годы все большее распространение получают идеи, допускающие одобрение горизонтальных соглашений между участниками одного товарного рынка. Такие соглашения традиционно квалифицировались антимонопольными органами как антиконкурентные, приводящие к созданию картелей и тем самым противоречащие интересам общества, и особенно потребителей [37]. Сегодня все больше укореняется идея о безвредности сотрудничества в отношениях между субъектами малого бизнеса, так как в этом случае создается возможность для конкурирования незащищенных субъектов с громадными корпорациями, поглощающими целые отрасли экономики и не замечающими при этом из-за масштабов целей деятельности потерь своей эффективности в сравнении с мелкими предприятиями.

Гражданское право, а также торговое право (в тех странах, где реализована идея дуализма частного права, например во Франции и Германии) как источники правового регулирования частноправовых, в т. ч. предпринимательских, отношений должны предоставлять участникам гражданского оборота правила ведения бизнеса, адекватные сложившейся экономической ситуации.

Правоприменительный аспект определяется особенностями применения законодательства для целей обеспечения отношений сотрудничества, что требует создания соответствующих правовых механизмов. В Западной Европе этим механизмом является комплекс вытекающих из понятия доброй совести обязанностей по сотрудничеству. Однако перечень таких обязанностей сложно признать нормативно определенным, что приводит к известной степени ситуационности правового регулирования. В свою очередь, это нарушает принцип правовой определенности и создает для участников гражданского оборота риски

привлечения к ответственности за нарушение неопределенной обязанности сотрудничать и увеличивает транзакционные издержки, снижению которых идея социального сотрудничества при построении отношений, регулируемых частным правом, должна способствовать. Иными словами, отсутствие целостного понимания концепции сотрудничества, а также не раскрытость ее потенциала для всего частного правового регулирования приводят к обратному эффекту.

Правотворческий аспект раскрывается через проблему законодательного регулирования отношений сотрудничества. Концепция сотрудничества в европейском континентальном праве реализована или через обязанность сотрудничать ("duty to cooperate") (страны Европейского Союза), или через принцип сотрудничества (Россия). Согласно господствующему мнению, принцип сотрудничества (обязанность сотрудничать) реализуется исключительно в договорных правоотношениях. Представляется, что это противоречит генезису и содержанию концепции сотрудничества, проистекающей во всех юрисдикциях из принципа добросовестности, которому сегодня придается общеправовой характер. Опираясь на последнее обстоятельство, трудно считать логически непротиворечивым суждение о том, что проистекающая из общеправового принципа идея о сотрудничестве субъектов частного права не реализуется в иных, помимо договорных, отношениях. Анализ правового регулирования некоторых недоговорных правоотношений через призму классификации частноправовых отношений на относительные и абсолютные дает основания для вывода о реализуемости концепции сотрудничества и за пределами договорного права. Если это так, то правовые исследования концепции социального сотрудничества должны стать основанием для соответствующего реформирования законодательства стран континентальной Европы хотя бы в части признания за принципом сотрудничества или «обязанностью сотрудничества» значения всеобщей, универсальной идеи, определяющей характер осуществления участниками частноправовых отношений своих прав и исполнения обязанностей.

doctrine [21; 33], which marked the emergence of a network form of economic activity involving the creation of a system of long-term ties (inter-firm networks) between independent economic entities built based on the principle of the unity of competition and cooperation.

Within the framework of antitrust law, ideas that allow for the approval of horizontal agreements between participants in the same product market are becoming increasingly common in recent years. Such agreements have traditionally been qualified by antitrust authorities as anti-competitive, leading to the creation of cartels and thus contrary to the interests of society and especially consumers [37]. Today, the idea of harmless cooperation between small businesses is becoming increasingly entrenched, as it creates an opportunity for vulnerable entities to compete with huge corporations that absorb entire sectors of the economy and, due to the scale of their purposes, do not notice the loss of their efficiency in comparison with small businesses.

Civil law, as well as commercial law (in those countries where the private law dualism idea is implemented, such as France and Germany), as a source of legal regulation of private law relations, including business relations, must provide participants in civil turnover with the rules of business adequate to the current economic situation.

The law-enforcement aspect is determined by the peculiarities of the application of law with the purpose of ensuring cooperation relations, which requires the creation of appropriate legal mechanisms. In Western Europe, such a mechanism is represented by a set of duties to cooperate deriving from the good faith concept. However, it is difficult to recognize the list of such duties as normatively defined, which leads to a certain extent of situation-dependent legal regulation. In turn, this violates the principle of legal certainty, creates for

the parties to civil transactions the risks of being held liable for the violation of an indefinite duty to cooperate, and increases transaction costs, although the idea of social cooperation when building relations regulated by private law is supposed to promote the reduction of those. In other words, the lack of a holistic understanding of the cooperation concept and its unclear potential for the whole private law regulation leads to the opposite effect.

The law-making aspect is manifested in the problem of legislative regulation of cooperation relations. The cooperation concept in European continental law is implemented either through the duty to cooperate (European Union countries) or through the cooperation principle (Russia). According to the prevailing view, the cooperation principle (duty to cooperate) is implemented only in contractual legal relations. This seems to be contrary to the genesis and content of the cooperation concept, which in all jurisdictions derives from the good faith principle, which today is believed to be of a general legal character. Based on the last-mentioned circumstance, it is difficult to consider it logically consistent to argue that the idea of cooperation between persons at private law arising from the general legal principle is not realized in relations other than contractual ones. Analysis of the legal regulation of some non-contractual legal relations through the prism of classifying private legal relations into relative and absolute ones gives grounds for the conclusion about the feasibility of the cooperation concept beyond contract law. If this is the case, then legal studies of the social cooperation concept should become the basis for a corresponding reform of legislation in the countries of continental Europe, at least with regard to the recognition of the cooperation principle or the 'duty to cooperate' as a global, universal idea that determines how participants in private law relations exercise their rights and perform their obligations.

**Принцип сотрудничества
(обязанность сотрудничать)
как проявление принципа добросовестности**

В западноевропейской континентальной традиции концепция сотрудничества находит свое выражение в понятии «обязанность сотрудничать» (“duty to cooperate”) и рассматривается в контексте принципа добросовестности [23, p. 17; 29; 31, p. 5].

В России, правовая система которой относится к романо-германской правовой семье, сотрудничество рассматривается в качестве самостоятельного принципа права, являющегося составной частью более общего принципа добросовестности [14, с. 91].

Таким образом, взгляды на концепцию сотрудничества в Западной Европе и в России различаются. Вместе с тем существенных отличий между «обязанностью сотрудничать» и принципом сотрудничества все же не обнаруживается: можно считать, что единственным серьезным отличием двух подходов является разное наименование института. Думается, это обусловлено разным пониманием такого явления, как принцип права.

По общему признанию, принцип права представляет собой универсальную, всеобщую идею, определяющую характер правового регулирования. По-другому принцип можно определить как наиболее абстрактную норму, регулиющую определенные (и не всегда однородные) общественные отношения. Изучение западноевропейской литературы о принципах права обнаруживает, что у европейских исследователей непопулярной является идея о субординации принципов права. Более востребованной методологией остается выделение отдельных групп обязанностей в рамках традиционно признанных принципов права. «Обязанность сотрудничать» является тому примером – авторы выделяют ее как элемент принципа добросовестности, не определяя при этом как самостоятельный принцип.

Совсем другая тенденция наблюдается в российской цивилистике. Здесь главенствует подход, прямо допускающий «пересечение» разных принципов права и даже их субординацию по отношению друг к другу [5, с. 70], не лишая при этом субординированный принцип общеправового характера, присущего и

субординирующему принципу. По этой причине в российском праве возможно существование сложной системы субординированных и скоординированных друг с другом принципов права.

Поскольку принцип сотрудничества является проявлением принципа добросовестности, в рамках настоящей статьи нами был избран следующий порядок рассуждения: сначала рассмотрим особенности понимания добросовестности как правового принципа и проявление в нем идеи сотрудничества, а затем обратимся к детальному рассмотрению сотрудничества как элемента принципа добросовестности. Принцип сотрудничества рассмотрим в контексте деления гражданско-правовых отношений на относительные и абсолютные. Для наглядности в качестве относительных рассмотрим договорные, преддоговорные обязательства и обязательства из причинения вреда. В качестве абсолютных – вещные правоотношения.

Здесь, однако, следует заметить: для европейской юридической науки соотношение добросовестности и сотрудничества может выглядеть и по-другому. Например, французские Ассоциация Анри Капитана и Общество сравнительного правоведения предложили три ключевых принципа европейского договорного права: «договорная свобода» (contractual freedom), «договорная безопасность» (contractual security) и «договорная лояльность» (contractual “loyalty”). При этом в содержание последнего были включены такие категории, как «добросовестность», «справедливость» и «сотрудничество» в договорных отношениях [32, pp. 11–12]. В этой структуре принцип сотрудничества представлен наравне с принципом добросовестности как субпринцип, который включается в принцип лояльности.

Принимая во внимание вышеизложенные рассуждения, полагаем, что решение вопроса о соотношении принципа добросовестности и категории сотрудничества имеет по большей части конвенциональную природу. Рассмотрение принципа сотрудничества в содержании принципа добросовестности или наравне с ним в составе принципа лояльности, как представляется, на результаты исследования принципа сотрудничества не влияет. По этой причине и далее мы будем придерживаться общепризнан-

**The Cooperation Principle
(Duty to Cooperate) as
a Manifestation of the Good Faith Principle**

In the Western European continental tradition, the cooperation concept finds its expression in the concept of the ‘duty to cooperate’ and is considered in the context of the good faith principle [23, p. 17; 29; 31, p. 5].

In Russia, whose legal system belongs to the Romano-Germanic legal family, cooperation is regarded as an independent law principle that is part of the more general good faith principle [14, p. 91].

Thus, the views on the cooperation concept in Western Europe and in Russia differ. At the same time, there is still no significant difference between the ‘duty to cooperate’ and the cooperation principle: it is possible to consider that the only serious difference between the two approaches is the different name of the institution. It seems that this is due to the different understanding of such a phenomenon as the principle of law.

It is universally recognized that a principle of law is a global, universal idea that determines the nature of legal regulation. In another way, a principle can be defined as the most abstract norm governing certain (and not always homogeneous) social relations. A study of Western European literature on the principles of law reveals that the idea of the subordination of legal principles is not popular among European scholars. It is identification of separate groups of obligations within the traditionally recognized principles of law that remains a more popular methodology. The ‘duty to cooperate’ is an example of that – legal scholars distinguish it as an element of the good faith principle, without defining it as an independent principle.

A completely different trend is observed in Russian civil law. Here prevails an approach that directly allows the ‘intersection’ of different principles of law and even their subordination to each other [9, p. 70] without depriving the subordinated principle of the general legal character, which is inherent in the subordinating principle. For this

reason, in Russian law may exist a complex system of subordinated and coordinated principles of law.

Since the cooperation principle is a manifestation of the good faith principle, for the purposes of this paper we have chosen the following order of reasoning: we will first look at the peculiarities of understanding good faith as a legal principle and the manifestation of the cooperation idea in it; then we will proceed to a detailed consideration of cooperation as an element of the good faith principle. We will discuss the cooperation principle in the context of the division of civil law relations into relative and absolute ones. By way of illustration, let us consider contractual obligations, pre-contractual obligations and obligations in tort as relative legal relations, and legal relations in rem as absolute relations.

At this point, however, it is worth noting that for European legal scholarship the understanding and relationship of good faith and cooperation may look differently. For example, French organizations the Association Henri Capitaine and the Comparative Law Society propose to distinguish three key principles of European contract law: ‘contractual freedom’, ‘contractual security’, and ‘contractual loyalty’. The content of the last-mentioned includes such categories as good faith, fairness, and cooperation in contractual relations [32, pp. 11–12]. In this structure, the cooperation principle is presented on a par with the good faith principle as a sub-principle that is incorporated into the loyalty principle.

Taking into account the above reasoning, we believe that the decision on the relationship between the good faith principle and the cooperation category is, for the most part, conventional in nature. Consideration of the cooperation principle within the content of the good faith principle or on a par with it as part of the loyalty principle, as it seems to us, does not affect the results of the study of the cooperation principle. For this reason, we will continue to adhere to the well-established concept

ной и привычной для нас концепции включения принципа сотрудничества в содержание принципа добросовестности.

Принцип добросовестности рассматривается как в западноевропейской континентальной, так и в российской доктринах в качестве общеправового принципа, определяющего правовое регулирование всех гражданско-правовых отношений.

В западной континентальной Европе существуют два разных и вместе с тем очень весомых подхода к пониманию принципа добросовестности, ярко отражающих проявление идеи сотрудничества. Эти подходы приняты в Германии (*Treu und Glauben*) и во Франции (*bonne foi*).

Обе идеи уходят своими корнями в древнеримскую юриспруденцию, к институту *bona fides*, служившему критерием определения характера исполнения должником своего обязательства. Согласно *bona fides*, должник должен был осуществлять исполнение обязательства с учетом не только формальных норм, но и общепризнанных этических правил и нравственных начал поведения членов общества. Критерий *bona fides* применялся при толковании договоров, оценке действий участников отношений: на предмет возможного наличия в них признаков недобросовестного поведения; при формулировании дополнительных обязанностей на основе обычаев; как основание для возникновения обязанности по возмещению убытков, причиненных поведением, которое противоречило требованиям честного оборота или взаимного сотрудничества [12, с. 99].

Критерий *bona fides* диктовал: обязанность по раскрытию всей известной информации, необходимой для построения взаимных отношений; требование ясности, четкости и недвусмысленности условий договора; необходимость предоставления дополнительных сведений, имеющих значение для стабильности договорного правоотношения, хоть стороны об этом изначально и не договаривались; исключение притворства, проявление заботливости и т.д. [17, с. 116].

Во французском праве концепция *bona fides* получила свое развитие намного раньше, чем в германском или российском. Так, первые нормы о добросовестности (*bonne foi*) были

еще в 1804 году закреплены в статье 1134 ФГК, определяющей, что договоры, заключенные надлежащим образом, должны исполняться их сторонами добросовестно.

Характеризуя указанное требование, французский ученый Р. Демог отмечал: «Контрагенты образуют некий микромир. Это небольшая компания, в которой каждый должен работать ради общей цели, которая является суммой индивидуальных целей, преследуемых каждым, как в гражданском или коммерческом обществе. Тогда противостояние между правом кредитора и интересами должника имеет тенденцию заменяться определенным союзом» («*Les contractants forment une sorte de microcosme. C'est une petite société où chacun doit travailler dans un but commun qui est la somme des buts individuels poursuivis par chacun, absolument comme dans la société civile ou commerciale. Alors à l'opposition entre le droit du créancier et l'intérêt du débiteur tend à se substituer une certaine union*») [23, p. 9].

Таким образом, принцип добросовестности в континентальной Европе стал рассматриваться как принцип исполнения договора, участники которого стремятся достичь общей цели, представляющей собой совокупность личных целей каждого. Сотрудничество же становится механизмом достижения общей цели.

В последующем принцип добросовестности в европейских юрисдикциях стал признаваться общеправовым принципом. Соответствующая норма была впервые закреплена в статье 2 швейцарского Гражданского кодекса [27, р. 13]. Затем постепенно аналогичное правило нашло свое отражение и в других европейских странах или в текстах нормативно-правовых актов, или на уровне судебной практики. В России принцип добросовестности был закреплён как отраслевой гражданско-правовой принцип в пункте 3 статьи 1 ГК РФ только в 2012 году с принятием Федерального закона «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹.

¹ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7627.

of including the cooperation principle in the content of the good faith principle.

The good faith principle is regarded in both Western European continental and Russian doctrines as a general legal principle that determined the legal regulation of all civil law relations.

In Western continental Europe, there are two different, yet very powerful, approaches to understanding the good faith principle, clearly reflecting the manifestation of the cooperation idea. These are the approaches adopted in Germany (*Treu und Glauben*) and in France (*bonne foi*).

Both of the ideas go back to ancient Roman jurisprudence, to the *bona fides* institution, which served as a criterion for determining the nature of a debtor's performance of his obligation. According to *bona fides*, the debtor had to fulfill an obligation taking into account not only formal norms but also generally recognized ethical rules and moral principles prescribed for the behavior of society members. *Bona fides* was applied in interpreting contracts, in evaluating the actions of the parties to a relation: in checking for signs of bad faith; in formulating additional duties based on custom; as a basis for the obligation to reimburse losses caused by conduct that was contrary to the requirements of fair dealing or mutual cooperation [12, p. 99].

The *bona fides* principle predetermined the following: the obligation to disclose all known information necessary for building mutual relations; the requirement of clarity, precision and unambiguity of the contract terms; the need to provide additional information important for the stability of contractual legal relations, although the parties have not initially agreed on this; taking care, the exclusion of pretense etc. [17, p. 116].

In French law, the *bona fides* concept was developed much earlier than in German or Russian law. The first good faith (*bonne foi*) rules were enshrined as early as 1804 in Article 1134 of the Civil Code of the French (hereinafter referred to as the CCF), which stipulated that duly concluded

contracts must be performed by the parties in good faith.

In characterizing this requirement, the French scholar R. Demogue noted: 'The counterparties form somewhat of a microcosm. It is a small company in which everyone must work for a common purpose, which is the sum of the individual purposes pursued by each, as in a civil or commercial society. The opposition between the right of the creditor and the interests of the debtor then tends to be replaced by a certain alliance' ('*Les contractants forment une sorte de microcosme. C'est une petite société où chacun doit travailler dans un but commun qui est la somme des buts individuels poursuivis par chacun, absolument comme dans la société civile ou commerciale. Alors à l'opposition entre le droit du créancier et l'intérêt du débiteur tend à se substituer une certaine union*') [23, p. 9].

Thus, the good faith principle in continental Europe has come to be regarded as a principle of performance of a contract the parties to which seek to achieve a common purpose made up of the totality of each party's individual purposes. Here cooperation becomes a mechanism for achieving a common purpose.

Subsequently, European jurisdictions also started to recognize good faith as a general legal principle. The relevant norm was first enshrined in Article 2 of the Swiss Civil Code [27, p. 13]. Gradually, a similar rule was established in other European countries either in the texts of regulations or in judicial practice. In Russia, the good faith principle was established as a branch-specific principle of civil law in Item 3 of Article 1 of the Civil Code of the Russian Federation only in 2012 with the adoption of the Federal Law 'On Introducing Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation'¹.

¹ On Introducing Amendments to Chapters 1, 2, 3, and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 302-FZ of December 30, 2012 (as amended on 04.03.2013). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2012. No. 53 (Pt. 1). Art. 7627.

Во Франции принцип добросовестности признается в настоящее время общим принципом права [24, р. 23–39]. 16 февраля 2016 года Правительством Франции на основании специальных полномочий, предоставленных парламентом Франции законом № 3 2015-177 от 16 февраля 2016 «О модернизации и упрощении законодательства и процедур в области правосудия и внутренних дел» был принят ордонанс № 2016-131 «О реформе договорного права, общего режима и оснований обязательств», которым внесены масштабные изменения в ФГК.

Ключевыми для принципа добросовестности стали два положения. Во-первых, в статье 6 ФГК был сформулирован общий порядок применения принципа добросовестности: закреплена норма, предусматривающая запрет отступать в договорах от норм закона, касающихся общественного порядка и нравственности. Данное правило фактически наделило нормы, касающиеся принципа добросовестности, характером императивных. Во-вторых, в результате реформы произошло полное изменение текста статьи 1134. В действующей ныне редакции данная норма предусматривает последствия ошибки в существенных качествах контрагента и более не закрепляет ни принцип добросовестности, ни обязанность сотрудничать («L'erreur sur les qualités essentielles du cocontractant n'est une cause de nullité que dans les contrats conclus en considération de la personne»). Норма о добросовестности при исполнении договоров была перенесена в отдельную статью 1104, предусматрившую распространение принципа добросовестности не только на этап исполнения договора, но и на преддоговорную стадию («Les contrats doivent être négociés, formés et exécutés de bonne foi. Cette disposition est d'ordre public»).

Как можно заметить, несмотря на признание за принципом добросовестности общеправового значения, ФГК даже в новой редакции закрепляет его лишь в нормах, адресованных сторонам договорных и в некоторых случаях преддоговорных правоотношений. Это означает, что обязанность сотрудничества по-прежнему рассматривается французами как атрибут договорного права.

В Германии принцип доброй совести (Treu und Glauben) нашел свое применение позже, чем во Франции. Реализацию принципа Treu und Glauben современные исследователи обнаруживают не только в договорном, но и в вещном, семейном, трудовом и даже публичном праве [12, с. 97–98; 36, р. 17; 28, S. 127; 22].

Характеризуя принцип добросовестности, немецкие исследователи отмечают его конкретизирующую, дополняющую, ограничительную и корректирующую функции [26].

Конкретизирующая функция определяет то, каким образом реализуются права и выполняются обязанности. Ограничительная функция служит способом установления границ действия субъективного права, поведение за пределами которых подлежит квалификации в качестве злоупотребления правом. Корректирующая функция позволяет с помощью принципа добросовестности изменить содержание правоотношения в тех случаях, когда, например, формальное исполнение обязанностей будет приводить к явным нарушениям целей правового регулирования¹. Дополняющая функция предполагает обоснование через содержание принципа добросовестности дополнительных обязанностей, не вытекающих из непосредственного содержания правоотношения [12].

В ходе интеграционных процессов в Европе принцип добросовестности получил признание в проектах по гармонизации частного права стран Европейского Союза. Например, принцип добросовестности упоминается в статье 1 («...a contract can also be created by conclusive behaviours, following a previous statement of intent or according to *usage or good faith*» [курсив наш. – А. Ф.]), статье 6 («Each of the parties is free to undertake negotiations with a view to concluding a contract without being held at all responsible if said contract is not drawn up, unless his behaviour is contrary to *good faith*» [курсив наш. – А. Ф.]), статье 7 («In the event of information being omitted or falsely or partially declared, if the contract has not been made or is null, that party *who has acted contrary to good faith*» [курсив

¹ Примером реализации корректирующей функции принципа добросовестности следует признать запрет кредитору настаивать на исполнении обязательства должником в месте, хоть и соответствующем условиям договора, но обременительно неудобном для должника.

In France, the good faith principle is now recognized as a general principle of law [24, pp. 23–39]. On February 16, 2016, the French Government, under the special powers granted by the French Parliament by Law No. 3 2015-177 of February 16, 2016 on the modernization and simplification of legislation and procedures in justice and home affairs, adopted ordinance No. 2016-131 on the reform of contract law, general regime and grounds of obligations, which introduced extensive changes to the CCF.

With regard to the good faith principle, two of the provisions were key ones. First, Article 6 of the CCF formulated the general procedure for the application of the good faith principle: it established a rule prohibiting departing in a contract from the rules of law concerning public order and morals. This rule de facto made the rules relating to the good faith principle mandatory by nature. Second, as a result of the reform, the text of Article 1134 was completely changed. In the current version, this rule specifies the consequences of an error in the essential qualities of the counterparty and no longer enshrines either the good faith principle or the duty to cooperate. («L'erreur sur les qualités essentielles du cocontractant n'est une cause de nullité que dans les contrats conclus en considération de la personne»). The rule on good faith in the performance of contracts was moved to a separate Article 1104, which provides the extension of the good faith principle not only to the stage of contract performance but also to the pre-contractual stage («Les contrats doivent être négociés, formés et exécutés de bonne foi. Cette disposition est d'ordre public»).

As can be seen, despite the recognition of the good faith principle as having general legal significance, the CCF, even in its new wording, enshrines it only in the rules addressed to the parties to contractual and, in some cases, pre-contractual legal relations. This means that the duty to cooperate is still regarded by the French as an attribute of contractual law.

In Germany the good faith principle (Treu und Glauben) started to be applied later than in France. Modern scholars find the implementation of the Treu und Glauben principle not only in contract law but also in law governing rights in rem, family law, labor law, and even public law [12, pp. 97–98; 36, p. 17; 28, pp. 127; 22].

When characterizing the good faith principle, German researchers note its specifying, supplementing, limiting, and corrective functions [26].

The specifying function determines how rights are exercised and obligations are fulfilled. The limiting function serves as a way of establishing the boundaries of a right the behavior beyond which is qualified as an abuse of right. The corrective function is aimed at changing the content of legal relations in cases where, for example, formal performance of obligations will lead to clear violations of the objectives of legal regulation¹. The supplementing function involves the justification of additional duties, not directly following from the content of legal relations, through the content of the good faith principle [12].

In course of integration processes in Europe, the good faith principle has been recognized in projects aimed at harmonizing private law of the European Union countries. For example, good faith is mentioned in some articles of the draft European Civil Code: «...a contract can also be created by conclusive behaviors, following a previous statement of intent or according to *usage or good faith*» (Article 1; italics added by A. F.); «Each of the parties is free to undertake negotiations with a view to concluding a contract without being held at all responsible if said contract is not drawn up, unless his behavior is contrary to *good faith*» (Article 6; italics added by A. F.); «In the event of information being omitted or falsely or partially declared, if the contract has not been made or is null, that party *who has acted contrary*

¹ An example of the corrective function of the good faith principle being implemented is that the creditor is prohibited from insisting on the performance of the obligation by the debtor in a place that, although consistent with the terms of the contract, is burdensomely inconvenient for the debtor.

наш. – А. Ф.] is responsible to the other party...») проекта Европейского Гражданского кодекса.

Большой интерес для понимания обязанности сотрудничать в западноевропейском континентальном праве представляют Модельные правила европейского частного права, являющиеся составной частью документа под названием «Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference (DCFR)». Данный документ представляет собой акт кодификации общеевропейских подходов к регулированию частноправовых отношений, воплощающий современную модель гражданского права, созданную с учетом практики ведущих государств – членов Европейского Союза.

Сотрудничество упоминается в Модельных правилах европейского частного права сразу в нескольких статьях. Статья III.-1:104 так и называется: «Co-operation». В ней закрепляется генеральная обязанность должника и кредитора сотрудничать друг с другом в тех случаях и в том объеме, когда это можно разумно ожидать в связи с исполнением обязанности должника. Примерно такое же правило установлено статьей IV.E.-2:201 («The parties to a contract within the scope of this Part of Book IV must *collaborate actively and loyally and co-ordinate their respective* [курсив наш. – А. Ф.] efforts in order to achieve the objectives of the contract»).

Более детально механизм сотрудничества раскрывается в статье IV.C.-2:103 («Obligation to co-operate») применительно к договорам оказания услуг. В ней, в частности, раскрываются следующие атрибуты обязанности сотрудничать: а) заказчик обязан отвечать на разумные запросы исполнителя о предоставлении информации в той мере, в которой она может разумно рассматриваться как необходимая для выполнения исполнителем обязанностей по договору; б) заказчик обязан давать указания по поводу оказания услуги в той мере, в какой такие указания могут разумно рассматриваться как необходимые для выполнения исполнителем обязанностей, предусмотренных договором; в) заказчик, если на нем лежит обязанность получить какие-либо разрешения или лицензии, должен их своевременно получить, если данное обстоятельство может разумно рассматриваться как

необходимое для выполнения исполнителем обязанностей, предусмотренных договором; г) исполнитель обязан предоставить заказчику разумную возможность контролировать выполнение исполнителем обязанностей, предусмотренных договором; д) стороны обязаны координировать свои усилия в той мере, в какой это может разумно рассматриваться как необходимое условие выполнения ими своих обязанностей, предусмотренных договором.

В определенной степени аналогичное регулирование применяется в строительном подряде (ст. IV.C.-3:102), в других договорах по переработке вещей (ст. IV.C.-4:102), в договорах поручения применительно к обязанностям принципала (ст. IV.D.-2:101), в договорах франчайзинга (ст. IV.E.-4:103) и т.д.

Нетрудно заметить, что во всех перечисленных случаях обязанность сотрудничать признается лишь в договорных отношениях. Вероятно, это является результатом компромисса, достижение которого было целью авторов DCFR, и Модельных правил европейского частного права в частности. Такое положение дел совсем не означает, что европейская обязанность сотрудничать не может быть реализована за пределами договорного права. Забегая вперед, отметим, что мы придерживаемся универсального характера принципа сотрудничества, что дозволяется общеправовым характером принципа добросовестности, в содержании которого существует принцип сотрудничества.

Для того чтобы убедиться в правильности такого подхода, необходимо рассмотреть обязанность сотрудничать через учение об абсолютных и относительных правоотношениях. Это учение формулировалось немецким профессором права О. Вендтом еще в XIX веке. Характеризуя относительные права, О. Вендт отмечал, что они исчерпываются отношениями между конкретными субъектами и приводят к action in personam, абсолютные же, наоборот, не зависят от отношений конкретных субъектов, противостоят каждому и приводят к action in rem [38, pp. 18–19].

В XX веке уже российский ученый В. К. Райхер [16] обобщил теоретический материал по проблеме деления частных прав на относительные и абсолютные, что стало предпосылкой современного понимания теории отно-

to good faith is responsible to the other party...» (Article 7; italics added by A. F.).

For understanding the duty to cooperate in Western European civil law, of great interest are the Model Rules of European Private Law, which are part of the document entitled ‘Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR)’. This document is an act of codification of pan-European approaches to the regulation of private law relations that embodies the modern model of civil law, created taking into account the practice of leading member states of the European Union.

Cooperation is mentioned in several articles of the Model Rules of European Private Law. Article III.-1:104, totally devoted to it, is entitled precisely ‘Co-operation’. It establishes the general obligation of the debtor and the creditor to cooperate with each other in cases when it and to the extent that can be reasonably expected in connection with the performance of the obligation by the debtor. Roughly the same rule is established by Article IV.E.-2:201: ‘The parties to a contract within the scope of this Part of Book IV must *collaborate actively and loyally and co-ordinate their respective* efforts in order to achieve the objectives of the contract’ (italics added by A. F.).

The mechanism of cooperation is described in more detail in Article IV.C.-2:103 (‘Obligation to co-operate’) with respect to service contracts. In particular, it establishes the following attributes of the duty to cooperate: a) the customer must respond to reasonable requests by the contractor for information to the extent that it can be reasonably regarded as necessary for the performance of obligations under the contract by the contractor; b) the customer must give instructions regarding the provision of the service to the extent that such instructions can be reasonably regarded as necessary for the performance of the contractual obligations by the contractor; c) the customer, if obligated to obtain any permits or licenses, must obtain them in a timely manner if this circumstance can be reasonably regarded as necessary for the performance of the contractor's obligations under the contract; d) the executor must provide the customer with a

reasonable opportunity to control the fulfillment of the contractor's obligations under the contract; e) the parties are obliged to coordinate their efforts insofar as this may be reasonably regarded as a necessary condition for the performance of their obligations under the contract.

To a certain extent, similar regulation applies in construction contracts (Article IV.C.-3:102), in other contracts for the processing of things (Article IV.C.-4:102), in contracts of trust with respect to the principal's obligations (Article IV.D.-2:101), in franchise contracts (Article IV.E.-4:103), etc.

It can be clearly seen that in all of the above cases the duty to cooperate is recognized only in contractual relations. This is probably the result of a compromise that was the purpose of the authors of the DCFR, including the Model Rules of European Private Law. This state of affairs does not at all mean that the European duty to cooperate cannot be realized outside of contract law. Looking ahead, let us note that we adhere to the idea of the universal nature of the cooperation principle, which is permitted by the general legal nature of the good faith principle in the content of which the cooperation principle is included.

In order to prove the correctness of this approach, it is necessary to consider the duty to cooperate through the prism of the absolute and relative legal relations doctrine. This doctrine was formulated by the German professor of law O. Wendt as early as the 19th century. Characterizing relative rights, O. Wendt noted that they are limited to the relations between specific persons and lead to an action in personam, while absolute rights, on the contrary, do not depend on the relations of specific persons, are opposed to each and lead to an action in rem [38, pp. 18–19].

In the 19th century, the Russian scientist V. K. Reicher [16] made some generalizations based on the theoretical material on the problem of dividing private rights into relative and absolute, which was a prerequisite for the modern understanding of the relative and absolute rights theory.

сительных и абсолютных прав. С современных позиций можно сформулировать их следующие ключевые признаки.

Во-первых, субъекту относительного права (правоотношения) всегда противостоит конкретный, заранее определенный другой субъект, являющийся второй стороной этого же правоотношения. Например, кредитору всегда противостоит должник, а должнику – кредитор. При этом за относительным правоотношением признается способность воздействовать на права и интересы третьих лиц, которые стороной правоотношения не являются.

Субъекту абсолютного права (правоотношения), являющемуся обладателем права (управомоченным лицом), противостоят все другие субъекты гражданского права, личности и даже количество которых не определены. Это означает, что каждое абсолютное правоотношение охватывает собой всех правосубъектных членов общества.

Во-вторых, относительное право реализуется, главным образом, в совершении стороной относительного правоотношения действий в интересах другой стороны. Например, обязательственное правоотношение реализуется путем совершения должником действий, составляющих предмет обязательства, в интересах кредитора. Но из данного правила могут быть и исключения, одним из которых можно назвать правоотношение из договора простого товарищества, общая модель которого предполагает обязанность участников договора самостоятельно совершать действия для достижения целей совместной деятельности.

Абсолютное право реализуется в обеспечении управомоченному лицу (правообладателю) возможности осуществлять с принадлежащим ему объектом права (вещью, произведением, изобретением, товарным знаком и т. д.) любые действия, не запрещенные законом, в т. ч. разрешать или запрещать использование объекта третьими лицами.

В-третьих, относительные права защищаются личными исками, предметом которых является, как правило, обязание второй стороны относительного правоотношения совершить определенные действия. При этом удовлетворение требований истца иногда невозможно без совершения другой стороной правоотношения

определенных действий, несмотря на наличие соответствующего решения суда.

Абсолютные права защищаются абсолютными правовыми способами защиты, предусматривающими возврат истцу господства над принадлежащим ему объектом права.

Относительных правоотношений большинство. К их числу относятся: обязательственные правоотношения, включая договорные, охранительные (из причинения вреда) и преддоговорные; корпоративные правоотношения; семейно-правовые отношения (при отнесении семейного права в структуру гражданского права) и др.

Перечень абсолютных прав строго ограничен законом и подчинен принципу *numerus clausus*, что обусловлено неопределенностью субъектного состава правоотношения и вытекающим из этого требованием нормативной определенности объема и содержания абсолютных прав. К абсолютным можно отнести вещные права (право собственности, сервитуты, право залога, право застройки и т. д.), интеллектуальные права (исключительные права на произведения, неимущественные права авторов произведений, патентные права и т. д.), права на средства индивидуализации бизнеса (товарные знаки, фирменные наименования и т. д.), некоторые разновидности корпоративных прав (например, абсолютный характер имеет право участника корпорации на долю в капитале корпорации, противостоящее неопределенному кругу субъектов права, обязанных не нарушать право участника на долю).

Описанные характеристики ряда гражданских прав, как относительных и абсолютных, позволяют по-другому взглянуть на реализацию в соответствующих правоотношениях принципа сотрудничества и обнаружить возможность распространения действия этого принципа за пределы договорных правоотношений, в чем мы убедимся далее.

Реализация принципа сотрудничества (обязанности сотрудничать) в договорных правоотношениях

Договорные правоотношения являются самой распространенной разновидностью относительных гражданско-правовых отношений. Поскольку принцип сотрудничества при-

From today's perspective, we can formulate their key attributes as follows.

First, a holder of a relative right (participant in a relative legal relation) is always confronted by another specific, predetermined person being the second party to the same legal relation. For example, the creditor is always opposed by the debtor, while the debtor – by the creditor. At the same time, a relative legal relation is recognized as having the capability of affecting the rights and interests of third parties who are not parties to the legal relation.

A holder of an absolute right (participant in an absolute legal relation), being the holder of the right (the authorized person) is opposed by all other persons at civil law, the identity and even number of which is uncertain. This means that every absolute legal relation embraces all the members of society having legal personality.

Secondly, the relative right is exercised mainly in the performance of actions by a party to the relative legal relation for the benefit of the other party. For example, a legal relation of obligation is realized by the debtor through performing the actions that constitute the subject of the obligation in the interests of the creditor. However, there may be exceptions to this rule, one of which is a legal relation from the simple partnership contract, the general model of which involves the obligation of contracting parties to take actions independently to achieve the purposes of their joint activities.

An absolute right is realized in providing the authorized person (right holder) with a possibility to carry out any actions not prohibited by law with the object of his right (an item, work, invention, trademark, etc.), including a possibility to allow or prohibit the use of the object by third parties.

Thirdly, relative rights are protected by personal lawsuits, the subject of which is, as a rule, imposition of an obligation on the other party to the relative legal relation to perform certain actions. At the same time, satisfaction of the plain-

tiff's claims is sometimes impossible without certain actions of the other party to the legal relation, despite the existence of a relevant court decision.

Absolute rights are protected by absolute legal remedies that provide for the return to the plaintiff of dominion over the object of the right that belongs to him.

Relative legal relations constitute the majority. These include legal relations of obligation, including contractual, protective (in tort) and pre-contractual; corporate legal relations; family legal relations (where family law is included in the structure of civil law) and others.

The list of absolute rights is strictly limited by law and subject to the *numerus clausus* principle, which is due to the uncertainty with regard to the parties involved in legal relations and the resulting requirement of normative certainty of the scope and content of absolute rights. Absolute rights may include rights in rem (ownership rights, easements, rights of pledge, development rights, etc.), intellectual rights (exclusive rights to works, non-property rights of authors of works, patent rights, etc.), rights to means of business individualization (trademarks, brand names, etc.), some varieties of corporate rights (for example, the right of a corporate participant to a share in the corporation capital, which is opposed by an indefinite range of persons at law obliged not to violate the participant's right to the share).

The described characteristics of a number of civil rights, both relative and absolute, allow us to look at the implementation of the cooperation principle in the relevant legal relations from a different perspective and to discover the possibility of extending the effect of this principle beyond contractual legal relations, which will be discussed further.

The Cooperation Principle (Duty to Cooperate) and Its Implementation in Contractual Legal Relations

Contractual legal relations are the most common type of relative relations under civil law. Since the cooperation principle in relation to

нительно к договорным правоотношениям, как было отмечено выше, уже неоднократно попадал в фокус внимания исследователей, реализация принципа сотрудничества в договорных правоотношениях является достаточно (и, в общем-то, единственно) изученным аспектом концепции сотрудничества субъектов частного права. Подтверждение правильности этого вывода можно также обнаружить в процитированных нами ранее текстах нормативно-правовых актов, регулирующих обязательственное право на территории европейских государств. Тот же вывод вытекает и из содержания приведенных выше норм Модельных правил европейского частного права и проекта Европейского Гражданского кодекса.

Договорное правоотношение (обязательство) само по себе является актом взаимного согласия субъектов гражданского права. Как было отмечено, еще в первой половине XIX века французский ученый Р. Демог сравнивал договор с микрокосмом, небольшой компанией, где каждый должен работать ради общей цели, которая является суммой индивидуальных целей каждого участника договора. Такой подход привел к тому, что отношения кредитора и должника в договорном обязательстве стали рассматриваться не как противостояние, а как союз сторон имеющих помимо основных обязанностей, предусмотренных договором, еще и обязанность сотрудничать друг другом. Новая теория получила название теории договорной солидарности, в рамках которой были сформулированы две концепции сотрудничества: 1) альтруистическое сотрудничество и 2) «кооперативный индивидуализм». Первая отсылает к моральным ценностям (уважение, доверие, бескорыстие) и самоотречению и предполагает обязательство должника исполнять договор в интересах кредитора. Вторая концепция, наоборот, не требует от сторон договора отказа от личных интересов, но предполагает возможность удовлетворения личных интересов только через сотрудничество, развитию которого должно способствовать правовое регулирование [2]. Нет оснований не согласиться со вторым подходом.

В немецкой правовой доктрине обязанности по сотрудничеству, основой для которых стал принцип доброй совести (*Treu und*

Glauben), включаются в содержание договорного правоотношения в качестве групп дополнительных (вспомогательных) обязанностей, как связанных, так и не связанных с предметом обязательства [13].

Связанными с предметом обязательства признаются обязанности по сотрудничеству. К их числу относятся обязанности по информированию, разъяснению, предоставлению отчета, консультированию, по обеспечению действительности заключенного договора, предоставлению требуемых документов, подаче необходимых заявлений в компетентные органы, получению разрешений со стороны третьих лиц и т. д. [13].

Не связанными с предметом обязательства считаются охранительные обязанности. Формально они не называются обязанностями по сотрудничеству, однако и в них можно усмотреть признаки сотрудничества. Охранительные обязанности предполагают обязанность сторон учитывать и охранять права и интересы друг друга, что обусловлено особым доверительным характером отношений сторон договора, которые делают права и интересы сторон более уязвимыми [13].

Все договорные правоотношения по степени реализации в них идеи сотрудничества можно распределить на две группы: дискретные договоры (*discrete contracts*) и реляционные договоры (*relation contracts*). Такой классификации придерживался английский судья Г. Легатта в деле *Yam Seng Pte Limited v International Trade Corporation Limited* [31]. Данный подход представляется удачным, так как позволяет классифицировать гражданско-правовые договоры по критерию реализации в них принципа сотрудничества независимо от юрисдикции, в которой находится субъект, осуществляющий классификацию.

Дискретными можно считать договоры, в которых степень доверия сторон и требуемой взаимопомощи не имеет существенного значения. Здесь принцип сотрудничества проявляется наименьшим образом. К этой группе относятся «разовые» договоры, не предполагающие длительного взаимодействия [19, p. 409]. В таких договорах целью взаимодействия субъектов права является цель конкретного договора (например, возмездно передать вещь из собст-

contractual legal relations, as we noted earlier, has repeatedly been the focus of research, the implementation of the cooperation principle in contractual legal relations is a rather well-studied (in fact, the only studied) aspect of the concept of cooperation between persons at private law. The evidence of that can be found in the earlier cited texts of the laws and regulations governing the law of obligations in European states. The same conclusion follows from the above cited norms of the Model Rules of European Private Law and the draft European Civil Code.

A contractual legal relation (obligation) in itself is an act of mutual consent of persons at civil law. As we noted earlier, back in the first half of the 20th century the French scholar R. Demogue compared the contract to a microcosm, a small company where everyone must work for a common purpose, which is the sum of the individual purposes of each party to the contract. This approach resulted in the understanding of the relations between the creditor and the debtor in a contractual obligation not as confrontation but as a union where the parties, in addition to the basic duties provided for by the contract, have the duty to cooperate with each other. The new theory was called the theory of contractual solidarity. Within this theory, there were formulated two cooperation concepts: 1) altruistic cooperation and 2) 'cooperative individualism'. The former refers to the moral values of respect, fraternity, and self-denial, and implies an obligation on the part of the debtor to fulfill the contract in the interest of the creditor. The latter concept, on the contrary, does not require the parties to the contract to give up personal interests but suggests the possibility of personal interests being satisfied only through cooperation, which should be promoted by legal regulation. [2]. There seems to be no reason to disagree with the latter approach.

In German legal doctrine, the duties to cooperate, based on the good faith principle (*Treu und*

Glauben), are included in the content of contractual legal relations as groups of additional (auxiliary) duties, both related and unrelated to the subject of an obligation [13].

Duties to cooperate are recognized as related to the subject of an obligation. These include the obligation to inform, explain, report, advise, ensure the validity of the concluded contract, provide the required documents, make necessary applications to the competent authorities, obtain third-party approvals, etc. [13].

Protective duties are considered to be not related to the subject of an obligation. They are not formally called duties to cooperate, but we can see signs of cooperation in them. Protective duties involve the duty of the parties to consider and protect the rights and interests of each other, which is due to the special fiduciary nature of the relation of the parties to the contract, making the rights and interests of the parties more vulnerable [13].

All contractual legal relations can be divided into two groups according to the degree of the cooperation idea implementation: discrete contracts and relational contracts. This classification was applied by the English judge G. Legatt in the case '*Yam Seng Pte Limited v International Trade Corporation Limited*' [31]. We find this approach successful since it provided a possibility to classify civil law contracts according to the implementation of the cooperation principle regardless of the jurisdiction in which the person providing classification is located.

Discrete contracts are regarded as those in which the degree of trust between the parties and of the required mutual assistance is not essential. Here the cooperation principle is least evident. This group includes 'one-time' contracts that do not involve long-term interaction [19, p. 409]. In such contracts, the purpose of interaction between persons at law is the purpose of a particular contract (for example, to transfer a thing from the seller's

венности продавца в собственность покупателя, перевести груз из пункта «А» в пункт «Б» за плату и т. д.).

Примером реализации принципа сотрудничества в дискретных договорах будет являться обязанность продавца обеспечить сохранность товара до его передачи покупателю даже в том случае, если риск случайной гибели товара в силу положений договора переходит к покупателю до момента фактической передачи (например, с момента оплаты, со дня заключения договора и т.д.)¹. Предваряя возможные возражения, необходимо отметить, что данная обязанность ни в коей мере не блокирует положение договора, устанавливающее более ранний момент перехода риска гибели товара. При применении принципа сотрудничества покупатель, к которому риск случайной гибели товара перешел до момента передачи товара, по-прежнему будет лишен возможности взыскать размер ущерба с продавца, но за одним исключением: если только продавец не нарушил императивов принципа сотрудничества и «попустительно» отнесся к условиям хранения проданного товара, т. е. действовал недобросовестно, чем создал препятствия к достижению цели сторон договора – возмездной передаче товара в собственность покупателя.

Реляционные договоры предполагают длительное взаимодействие, в силу чего содержат «подразумеваемые» условия, которые могут быть прямо не оговорены в тексте договора [19, р. 409; 31, р. 3]. Такие «подразумеваемые» условия могут возникать на основе принципа сотрудничества в течение всего периода действия договора. Например, в ходе исполнения договора может возникнуть необходимость изменить порядок расчетов, место оказания услуг и т. д. Нет сомнений, что в силу принципа сотрудничества стороны такого договора могут даже не заключать дополнительных соглаше-

¹ Данная обязанность следует из того, что при исполнении любого договора купли-продажи, продаваемый по которому товар на момент заключения договора находится у продавца, существует «временной лаг» между моментами заключения и оплаты договора и моментом получения товара покупателем. В такой ситуации покупатель объективно не может обеспечить сохранность имущества, несмотря на наличие на нем риска случайной гибели. В то же время продавцу, осуществлявшему хранение товара до его продажи, обеспечить сохранность имущества не будет столь обременительно.

ний к договору, но внести в свои договоренности изменения, которых они обязаны придерживаться².

Длительность взаимоотношений сторон реляционного договора может быть основанием для существования у субъектов договора при заключении реляционного договора более глобальных целей, чем это допускает содержание конкретного договора. Такая цель может охватываться целой системой взаимосвязанных договоров. Убедительным примером этого служит система договоров, формируемая в целях капитального строительства. В данных отношениях одинаково важное значение имеют и заказчик, и инвесторы, и генеральный подрядчик, и субподрядчики, и даже органы государственной власти, осуществляющие государственный надзор за процессом строительства. При этом для всех перечисленных субъектов существует общая цель – окончить строительство: только в этом случае участники получают максимальное удовлетворение своих личных целей (заказчик – право на оставление за собой прибыли от строительства, инвесторы – право собственности на помещения в здании, подрядчики – вознаграждение за произведенные работы).

В составе группы реляционных договоров обнаруживается самостоятельная группа фидуциарных сделок. Причиной отнесения их к реляционным договорам служит то, что доверие, свойственное в разной степени всем договорным обязательствам, играет здесь роль конститутивного признака. Если следовать из буквального толкования понятия фидуциарной сделки, т. е. сделки, основанной на доверии,

² При этом, безусловно, такие договоренности не должны нарушать интересов третьих лиц. В противном случае по аналогии с договорами, требующими государственной регистрации (п. 3 ст. 433 ГК РФ), должен применяться принцип непротивопоставимости условий договора, не закрепленных в надлежащей форме, против третьих лиц. Возможность придания юридической силы договоренностям сторон, не зафиксированным в надлежащей форме, следует из толкования правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в абзаце 3 пункта 43 постановления от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». Данным абзацем предусмотрено, что условия договора подлежат толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне договора извлекать преимущество из незаконного или недобросовестного поведения; толкование договора не должно приводить к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду.

ownership to the buyer's ownership, to transfer cargo from point A to point B for a fee, etc.).

An example of the cooperation principle implementation in discrete contracts is the duty of the seller to ensure the safety of the goods prior to their transfer to the buyer, even if under the terms of the contract the risk of accidental loss of goods passes to the buyer before the actual transfer (for example, from the moment of payment, from the contract date, etc.)¹. Anticipating possible objections, we should note that this duty in no way blocks the contractual provision establishing an earlier moment of transfer of the risk in question. If applying the cooperation principle, the buyer, to whom the risk of accidental loss of goods passed before the transfer of goods, will still be deprived of the possibility to recover the amount of damages from the seller, but with one exception: unless the seller has violated the imperatives of the cooperation principle by being negligent in not providing proper storage conditions for the sold goods, i.e. by acting in bad faith thus creating obstacles to achieving the purpose of the parties to the contract – the compensatory transfer of goods to the buyer.

Relational contracts involve long-term interaction, so they contain 'implied' conditions that may not be explicitly stated in the text of a contract [19, p. 409; 31, p. 3]. Such 'implied' conditions may arise on the basis of the cooperation principle throughout the term of the contract. For example, in course of performing a contract, it may be necessary to change the procedures of payment, the place of rendering a service, etc. There is no doubt that, by virtue of the cooperation principle, the parties to such a contract may not even conclude additional agreements to the contract but make changes

¹ This duty follows from the fact that in course of execution of any purchase agreement under which the goods sold are with the seller at the time of concluding the contract, there is a 'time lag' between the moment of conclusion and payment for the contract and the moment of receipt of goods by the buyer. In such a situation, the buyer is objectively unable to ensure the safety of the property, despite the existence of the risk of accidental loss. At the same time, it will be not so onerous for the seller, who stored the goods before the sale, to ensure the safety of the property.

to their agreements, which they must adhere to although not fixing those in due form².

The duration of relations between the parties to a relational contract may be a reason for a situation when, when concluding this contract, the parties have purposes being more global than those provided for by the content of the contract. Such a purpose may be covered by a whole system of interrelated contracts. A convincing example of this is the system of contracts formed for the purpose of capital construction. In these relations, the customer, investors, general contractor, subcontractors, and even the public authorities exercising state supervision of the construction process are equally important. In this case, for all of the participants there is a common purpose – to complete construction: only in this case, the participants will receive the maximum satisfaction of their personal purposes (the customer – the right to retain the profits from construction, investors – ownership of the premises in the building, contractors – remuneration for the works performed).

Within the group of relational contracts, there can be distinguished a separate group of fiduciary transactions. The reason why these are referred to relational contracts is that trust, which is inherent to varying degrees in all contractual obligations, plays here the role of a constitutive feature. Basing on the literal interpretation of the concept of a fiduciary transaction, i.e. a transaction based on

² At the same time, such arrangements definitely must not violate the interests of third parties. Otherwise, by analogy with contracts that require state registration (Item 3 of Article 433 of the Civil Code of the Russian Federation), the principle of non-opposability of contract terms that are not fixed in due form to third parties must be applied. The possibility of giving legal effect to the agreements of the parties not fixed in due form follows from the interpretation of the legal position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation set out in paragraph 3 of Clause 43 of Ruling No. 49 of December 25, 2018 'On Certain Issues of Application of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of a Contract'. This paragraph establishes that the terms of a contract shall be interpreted so as not to allow any party to the contract to benefit from unlawful or dishonest conduct; the interpretation of the contract shall not give rise to an understanding of a term of the contract which the parties obviously could not have intended.

можно предположить, что в данном виде обязательств принцип сотрудничества играет большую роль, чем в иных реляционных договорах. На самом деле это не так: большее значение в фидуциарных сделках имеет принцип надлежащего исполнения сторонами своих обязательств, чем принцип сотрудничества. Чтобы в этом убедиться, рассмотрим понятие фидуциарных сделок подробнее.

Ю. С. Гамбаров относил к фидуциарным сделки, которые «...сверх объявленных ими последствий, имеют целью произвести еще другие, уклоняющиеся от первых и остающиеся скрытыми для третьих лиц последствия» [3, с. 748].

О. С. Иоффе еще более конкретно определил понятие фидуциарной сделки как сделки, которая обуславливает несовпадение между внутренними отношениями участников и их внешним выражением. В качестве примера автор приводил договор комиссии [7].

Выходит, что фидуциарность как свойство сделки определяет характер внутренних отношений между субъектами договорного обязательства, заключающийся в предоставлении стороной договора другой стороне большего объема правомочий, чем это следует из формальных условий, открытых для третьих лиц. Вторым признаком фидуциарных сделок называют обязанность стороны сделки действовать не в своих интересах, а в интересах своего контрагента [7].

Пожалуй, самыми ярким из исследуемых в современной российской правовой науке примеров фидуциарных сделок является договор, предусматривающий передачу имущества в обеспечительную собственность кредитора (титовое обеспечение).

Титовое обеспечение — это непоименованный способ обеспечения исполнения обязательств. Оно реализуется в двух вариантах: 1) обеспечительное удержание права собственности и 2) обеспечительная передача права собственности [8, с. 423].

Обеспечительное удержание предполагает сохранение за кредитором права собственности на передаваемое должнику имущество до тех пор, пока должник не исполнит обеспечиваемое обязательство. Этот способ в России применяется в конструкциях выкупного ли-

зинга¹, аренды с правом выкупа (ст. 624 ГК РФ), купли-продажи с условием об удержании права собственности за продавцом до момента полной оплаты товара (ст. 491 ГК РФ) [6, с. 98–99].

Обеспечительная передача собственности заключается в том, что должник в обеспечение исполнения обязательства перед кредитором передает свое имущество в собственность кредитора; при этом после исполнения обеспечиваемого обязательства кредитор обязан вернуть должнику предмет обеспечения обратно в собственность. Такая конструкция применяется в обеспечительном факторинге (ст. 824 ГК РФ), когда исполнение обязательств клиента обеспечивается уступкой фактору права требования к должнику клиента; в возвратном лизинге (абз. 4 п. 1 ст. 4 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)»²), когда продавцом и лизингополучателем выступает одно лицо; в договорах репо (ст. 51.3 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»³), но только в том случае, если удастся установить, что целью договора является не получение прибыли, например, от изменения курса валюты платежа (спекулятивная цель), а именно предоставление финансирования под титульное обеспечение ценными бумагами [6, с. 100].

Проблема применения данного способа обеспечения исполнения обязательств кроется в коллизии норм российского гражданского права, а также крайне осторожном отношении российского правового порядка к институту расщепленной (доверительной) собственности, возникшему в Средние века в Англии, востребованность которого объяснялась необходимо-

¹ Пленум ВАС РФ в постановлении от 14 марта 2014 г. № 17 дал следующую характеристику выкупного лизинга: «По общему правилу в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств, а имущественный интерес лизингополучателя — в приобретении предмета лизинга в собственность за счет средств, предоставленных лизингодателем, и при его содействии. Приобретение лизингодателем права собственности на предмет лизинга служит для него обеспечением обязательств лизингополучателя по уплате установленных договором платежей, а также гарантией возврата вложенного» [курсив наш. — А. Ф.].

² О финансовой аренде (лизинге): Федер. закон от 29 окт. 1998 г. № 164-ФЗ (ред. от 16.10.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 44, ст. 5394.

³ О рынке ценных бумаг: Федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Там же. 1996. № 17, ст. 1918.

trust, it is possible to assume that the cooperation principle plays a greater role in this type of obligations than in other relational contracts. In fact, this is not true: in fiduciary transactions, of greater importance than the cooperation principle is the principle of due performance by the parties of their obligations. To prove this, let us consider the concept of fiduciary transactions in more detail.

Yu. S. Gambarov defined fiduciary transactions as those that ‘...in addition to their declared consequences, are intended to produce other consequences that evade the former and remain obscure for third parties’ [3, p. 748].

O. S. Ioffe considered the fiduciary transaction to be a transaction that causes a mismatch between the internal relations of the participants and their external expression. As an example, the scholar cited the commission contract [7].

It turns out that the fiduciary nature as a property of a transaction determines the nature of the internal relations between the parties to a contractual obligation, which consists in the provision by a party to a contract for the other party of more powers than it follows from the formal conditions open to third parties. Another feature of fiduciary transactions is seen in the obligation of a party to a transaction to act not in their own interests but in the interests of their counterparty [7].

Perhaps the most striking example of a fiduciary transaction studied in contemporary Russian legal science is a contract that provides for the transfer of property into the creditor’s secured ownership (title security).

Title security is a non-defined method of securing the obligation performance. It is implemented in two variants: 1) a security retention of title and 2) security transfer of title [8, p. 423].

A security retention implies that the creditor retains title to the property transferred to the debtor until the debtor performs the obligation being secured. In Russia, this method is used in re-

deemable leasing¹, rent with the redemption right (Article 624 of the Civil Code of the Russian Federation), sale with the condition of retention of title by the seller until full payment for goods (Article 491 of the Civil Code) [6, pp. 98–99].

Under security transfer of property, the debtor transfers his property to the creditor to secure the obligation performance to the creditor; after the secured obligation is performed, the creditor must return to the debtor the subject of security back into property. Such a construction is used in secured factoring (Article 824 of the Civil Code of the Russian Federation), when the obligations of a client are secured by the assignment of the right to claim against the client’s debtor to the factor; in return leasing (paragraph 4 of Item 1 of Article 4 of the Federal Law ‘On Financial Rent (Leasing)’²), when the seller and the lessee are the same person; in repurchase agreements (Article 51.3 of the Federal Law ‘On the Securities Market’³), but only if it can be established that the purpose of the contract is not profit, e.g. from changes in the payment currency rate (a speculative purpose), but provision of financing under title security [6, p. 100].

The problem with the application of this method for securing obligations lies in the conflict of norms of Russian civil law, as well as extremely cautious attitude of the Russian legal order to the institute of split (trust) property, which appeared in the Middle Ages in England due to the need to

¹ The Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation in its resolution No. 17 of March 14, 2014 gave the following description of buy-out leasing: ‘As a general rule, in a buy-out leasing agreement the property interest of the lessor is in placing and subsequent return of funds with profit, and the property interest of the lessee is in the acquisition of the leased asset into ownership at the expense and with the assistance of the lessor. Acquisition of ownership of the leased asset by the lessor serves as a security for the lessee’s obligations to pay the payments established by the contract, as well as a guarantee of return of the invested’ (italics added by A. F.).

² On Finance Lease (Leasing): Federal Law No. 164-FZ of October 29, 1998 (as amended on 16.10.2017). Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 1998. No. 44. Art. 5394.

³ On the Securities Market: Federal Law No. 39-FZ of April 22, 1996 (as amended on 31.07.2020). Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 1996. No. 17. Art. 1918.

стью обеспечить управление имуществом в отсутствие их реальных собственников (кредиторов, исследователей-путешественников и т.д.). Для этого имущество как бы передавалось в собственность доверенных лиц (трастее), которые уже от своего имени, но в интересах учредителя и выгодоприобретателей траста осуществляли с имуществом необходимые фактические и юридические действия [27, pp. 9–10].

Коллизия норм российского гражданского права и института доверительной собственности состоит в том, что, с одной стороны, пункт 1 статьи 329 ГК РФ предусматривает открытый перечень способов обеспечения исполнения обязательств, допуская возможность предусмотреть договором любой способ обеспечения обязательств. С другой стороны, статья 209 ГК РФ закрепляет конструкцию унитарного права собственности, т. е. неделимого абсолютного права владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, не допускающего существование двух абсолютных единоличных прав собственности на один объект.

Фидуциарность договора, предусматривающего передачу имущества должника в обеспечительную собственность кредитора, раскрывается в том, что кредитор получает имущество в собственность, что для российского гражданского оборота означает абсолютное право владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом по своему усмотрению. Однако в силу содержания договора между таким кредитором и его должником правомочия кредитора как собственника ограничены. Вместе с тем действующее российское законодательство не содержит механизмов защиты прав должника, передавшего свое имущество в титульное обеспечение: в удовлетворении исковых требований должника о признании недействительной сделки по отчуждению обеспечивающего имущества кредитором в пользу третьего лица, являющегося добросовестным приобретателем, может быть отказано¹ со ссылкой в том числе

¹ Например, судебной коллегией по гражданским делам Саратовского областного суда рассматривалось дело по иску должника, передавшего квартиру в собственность кредитора в обеспечение исполнения обязательств по договору займа, к новому собственнику квартиры, который приобрел ее у кредитора до наступления оснований к оставлению кредитором квартиры в своей собственности. В рамках данного дела ответчиком был заявлен довод о

на постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П².

Полагаем, что единственной гарантией защиты интересов стороны фидуциарного договора в России остается принцип надлежащего исполнения обязательств, который существует независимо от принципа сотрудничества. По этой причине приходится констатировать, что принцип сотрудничества в фидуциарных сделках реализуется так же, как и в иных реляционных договорах.

Как уже было отмечено, принцип сотрудничества является проявлением принципа добросовестности или, по терминологии российской правовой науки, императивом принципа добросовестности. Но чем же обусловлено выделение в содержании принципа добросовестности самостоятельного принципа сотрудничества? Ответ на этот вопрос следует из перечня функций, которые «выполняет» принцип сотрудничества для сторон договора.

Достижение общей цели сторон договора может осуществляться разными способами, одним из которых является взаимная помощь сторон договора друг другу в осуществлении субъективных прав и исполнении юридических обязанностей. При этом построение отношений с контрагентом на основе сотрудничества, скорее всего, не будет единственно достаточным для достижения цели договора. Иными словами, обязанность сотрудничать носит факультативный характер и имеет своей целью обеспечение не простого, а эффективного исполнения договора. Учитывая это, первой функцией

своей добросовестности, однако истцу удалось его опровергнуть: ответчик работал у кредитора и располагал сведениями об обстоятельствах предоставления займа (см. апелляционное определение Саратовского областного суда от 14.03.2018 по делу №33-1090/2018. URL: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1085096&delo_id=5&new=5&text_number=1).

Полагаем, что при доказанности добросовестности решение было бы противоположным, так как отечественное правовое регулирование не позволяет сформулировать презумпцию осведомленности приобретателя об обременении имущества титульным обеспечением.

² По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева: постановление Конституц. Суда РФ от 21 апр. 2003 г. № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

ensure management of property in the absence of its real owners (creditors, explorers-travelers, etc.). For this purpose, the property was, in a way, transferred into the ownership of trustees, who, in their own name, but in the interests of the founder and the beneficiaries of the trust, performed the necessary factual and legal actions with the property [27, pp. 9–10].

The conflict between the norms of Russian civil law and the institute of trust property lies in the following. On the one hand, Item 1 of Article 329 of the Civil Code of the Russian Federation provides for an open list of methods to perform obligations, allowing the possibility to specify any method of securing obligations in a contract. On the other hand, Article 209 of the Civil Code enshrines the construction of unitary ownership, i.e. an indivisible absolute right to possess, use and dispose of property, which does not allow the existence of two absolute sole rights of ownership with regard to one object.

The fiduciary nature of a contract providing for the transfer of a debtor's property into the creditor's security title is manifested in the fact that the creditor receives the property into ownership, which for Russian civil turnover means the absolute right to possess, use and dispose of this property at one's own discretion. However, by virtue of the content of the contract between such a creditor and their debtor, the creditor's authority as an owner is limited. At the same time, the current Russian legislation contains no mechanisms to protect the rights of a debtor who has transferred their property as title security: a debtor's claim to invalidate the transaction involving the alienation of assets by the creditor in favor of a third party being a good faith purchaser may be dismissed¹ with reference to,

¹ For example, the Judicial Board for Civil Cases of the Saratov Regional Court considered a case on a claim filed by a debtor, who had transferred an apartment to the creditor as security for fulfillment of obligations under a loan agreement, against the new owner of the apartment, who had purchased it from the creditor before the grounds had arisen for the creditor to retain the apartment in his ownership. In this case, the defendant made an argument about their good faith, but the plaintiff managed to refute it: the defendant worked for the

among others, the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 21, 2003 No. 6-P².

From our point of view, in Russia the only guarantee of the interests of a party to a fiduciary contract being protected remains the principle of due performance of obligations, which exists regardless of the cooperation principle. For this reason, we have to state that the cooperation principle in fiduciary transactions is implemented in the same way as in other relational contracts.

As was noted in the previous section of this paper, the cooperation principle is a manifestation of the good faith principle or, using the terminology of Russian legal science, the imperative of the good faith principle. But what causes the separation within the content of the good faith principle of an independent cooperation principle? The answer to this question follows from the list of functions that the cooperation principle 'fulfills' for the parties to a contract.

The common purpose of the parties to a contract can be achieved through different ways, one of which is mutual assistance of the parties to each other in exercising rights and fulfilling legal obligations. However, building of relations with the counterparty on the basis of cooperation is likely not to be a solely sufficient step for achieving the purpose of the contract. In other words, the duty to cooperate is facultative and is intended to ensure not mere performance of a contract but efficient performance. Taking this into account, the first function of

lender and had information about the circumstances of the loan (see the Appellate Ruling of the Saratov Regional Court of March 14, 2018 in case No. 33-1090/2018. Available at: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1085096&delo_id=5&new=5&text_number=1).

We believe that if good faith had been proven, the decision would have been opposite because Russian legal regulation does not allow for formulating the presumption an acquirer's awareness of the encumbrance of property with title security.

² In the case on verification of the constitutionality of Clauses 1 and 2 of Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens О. М. Мариничева, А. В. Немировская, З. А. Склянова, Р. М. Склянова and В. М. Ширяев: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P of April 21, 2003. *Bulletin of Constitutional Court of the Russian Federation*. 2003. No. 3

принципа сотрудничества назовем повышение степени эффективности исполнения договора.

Практике известны случаи, когда просто формальное осуществление сторонами договора своих прав и исполнение обязанностей не позволяет достигнуть цели договора: в ходе исполнения договора могут возникнуть или обнаружиться обстоятельства, объективно препятствующие исполнению договора (полагаем, что законная цель любого договора достигается через его исполнение).

Очень иллюстративное дело было рассмотрено в Арбитражном суде Брянской области. В суд с иском к государственному автономному учреждению здравоохранения обратился индивидуальный предприниматель. Он просил признать недействительным односторонний отказ ответчика от исполнения договора поставки медицинского оборудования. Одновременно в тот же суд с иском обратился ответчик по иску предпринимателя (учреждение здравоохранения) к этому же предпринимателю. Предметом второго иска было признание недействительным одностороннего отказа предпринимателя от исполнения указанного договора поставки оборудования. Дела были объединены в одно производство.

В ходе рассмотрения дела установлено, что между сторонами заключен договор поставки оборудования, по которому предприниматель обязался поставить учреждению здравоохранения восемь коробов с оборудованием. В качестве места разгрузки был определен первый этаж поликлиники. В ходе исполнения договора предприниматель столкнулся с проблемой: габариты восьмого короба превышали размер дверного проема поликлиники, что делало невозможным исполнение договора в оставшейся части. Об этом обстоятельстве предприниматель сообщил руководству учреждения, которым меры по устранению препятствия приняты не были. Тогда предприниматель направил в адрес заказчика уведомление об одностороннем отказе от исполнения договора по причине невозможности его исполнения.

Судом первой инстанции иск предпринимателя оставлен без удовлетворения, а иск учреждения удовлетворен, отказ предпринимателя признан недействительным. Суд апелляционной инстанции с таким решением согласился.

Арбитражным судом Центрального округа судебные постановления нижестоящих судов были отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Основанием для отмены судебных постановлений послужило то, что судами не была дана надлежащая оценка поведения руководства учреждения здравоохранения с точки зрения добросовестности и необходимости содействия исполнению обязательства: установлено, что учреждение не предпринимало мер по устранению непредвиденных и в связи с этим не учтенных при заключении договора обстоятельств¹.

В описанном деле суд фактически признал, что принцип сотрудничества предполагает совместную деятельность сторон договора по устранению непредвиденных обстоятельств. В этом проявляется вторая функция принципа сотрудничества: устранение непредвиденных на момент заключения договора обстоятельств, препятствующих к достижению цели договора.

Таким образом, в договорных правоотношениях (обязательствах) принцип сотрудничества проявляется всегда, но в разном объеме: большей степени сотрудничества требуется в реляционных договорах, меньшей – в дискретных. При этом принцип сотрудничества имеет две функции: 1) обеспечение наиболее эффективного достижения цели договора и 2) устранение непредвиденных на момент заключения договора обстоятельств, которые препятствуют достижению его цели. Так как принцип сотрудничества исторически сформировался в рамках договорного права, данные функции принципа могут быть применены и при рассмотрении принципа применительно к другим гражданско-правовым отношениям.

Реализация принципа сотрудничества (обязанности сотрудничать) во внедоговорных обязательственных правоотношениях

Возможность реализации принципа сотрудничества мы наблюдаем и во внедоговорных обязательствах, т. е. относительных право-

¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа Брянской обл. от 10.07.2019 по делу № А09-9792/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ensure management of property in the absence of its real owners (crusaders, explorers-travelers, etc.). For this purpose, the property was, in a way, transferred into the ownership of trustees, who, in their own name, but in the interests of the founder and the beneficiaries of the trust, performed the necessary factual and legal actions with the property [27, pp. 9–10].

The conflict between the norms of Russian civil law and the institute of trust property lies in the following. On the one hand, Item 1 of Article 329 of the Civil Code of the Russian Federation provides for an open list of methods to perform obligations, allowing the possibility to specify any method of securing obligations in a contract. On the other hand, Article 209 of the Civil Code enshrines the construction of unitary ownership, i.e. an indivisible absolute right to possess, use and dispose of property, which does not allow the existence of two absolute sole rights of ownership with regard to one object.

The fiduciary nature of a contract providing for the transfer of a debtor's property into the creditor's security title is manifested in the fact that the creditor receives the property into ownership, which for Russian civil turnover means the absolute right to possess, use and dispose of this property at one's own discretion. However, by virtue of the content of the contract between such a creditor and their debtor, the creditor's authority as an owner is limited. At the same time, the current Russian legislation contains no mechanisms to protect the rights of a debtor who has transferred their property as title security: a debtor's claim to invalidate the transaction involving the alienation of assets by the creditor in favor of a third party being a good faith purchaser may be dismissed¹ with reference to,

¹ For example, the Judicial Board for Civil Cases of the Saratov Regional Court considered a case on a claim filed by a debtor, who had transferred an apartment to the creditor as security for fulfillment of obligations under a loan agreement, against the new owner of the apartment, who had purchased it from the creditor before the grounds had arisen for the creditor to retain the apartment in his ownership. In this case, the defendant made an argument about their good faith, but the plaintiff managed to refute it: the defendant worked for the

among others, the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 21, 2003 No. 6-P².

From our point of view, in Russia the only guarantee of the interests of a party to a fiduciary contract being protected remains the principle of due performance of obligations, which exists regardless of the cooperation principle. For this reason, we have to state that the cooperation principle in fiduciary transactions is implemented in the same way as in other relational contracts.

As was noted in the previous section of this paper, the cooperation principle is a manifestation of the good faith principle or, using the terminology of Russian legal science, the imperative of the good faith principle. But what causes the separation within the content of the good faith principle of an independent cooperation principle? The answer to this question follows from the list of functions that the cooperation principle 'fulfills' for the parties to a contract.

The common purpose of the parties to a contract can be achieved through different ways, one of which is mutual assistance of the parties to each other in exercising rights and fulfilling legal obligations. However, building of relations with the counterparty on the basis of cooperation is likely not to be a solely sufficient step for achieving the purpose of the contract. In other words, the duty to cooperate is facultative and is intended to ensure not mere performance of a contract but efficient performance. Taking this into account, the first function of

lender and had information about the circumstances of the loan (see the Appellate Ruling of the Saratov Regional Court of March 14, 2018 in case No. 33-1090/2018. Available at: https://obsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1085096&delo_id=5&new=5&text_number=1).

We believe that if good faith had been proven, the decision would have been opposite because Russian legal regulation does not allow for formulating the presumption an acquirer's awareness of the encumbrance of property with title security.

² In the case on verification of the constitutionality of Clauses 1 and 2 of Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens O. M. Marinicheva, A. V. Nemirovskaya, Z. A. Sklyanova, R. M. Sklyanova and V. M. Shiryayev: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P of April 21, 2003. *Bulletin of Constitutional Court of the Russian Federation*. 2003. No. 3

отношениях, в силу которых одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенные действия либо воздержаться от совершения каких-либо действий, юридическим фактом – основанием возникновения которых служит иное, помимо договора, явление реальной действительности.

Среди всех известных видов внедоговорных обязательств реализацию принципа сотрудничества можно обнаружить, как минимум, в двух случаях: в преддоговорных правоотношениях и обязательствах из причинения вреда.

Преддоговорные правоотношения мы рассматриваем как разновидность внедоговорных неимущественных обязательств, целью которых является подготовка к заключению гражданско-правового договора.

Юридическим фактом – основанием возникновения преддоговорного обязательства служит либо вступление в переговоры о заключении договора [4, с. 22], либо момент, когда поведение сторон, вступивших в переговоры, явно свидетельствует о намерении заключить договор или вести переговоры об их заключении (направление предложения делать оферты, подписание промежуточных протоколов, соглашений и меморандумов, осуществление согласованных расходов на подготовку к будущему договору, парафирование согласованного текста договора и т.п.) [1, с. 9], либо, как отмечают А. Шварц и Р. Е. Скотт, «...стороны согласовали все существенные условия и намерены увековечить это соглашение в официальном документе» («...the parties have agreed on all material terms and intend to memorialize this agreement in a formal document») [34, p. 664].

Рассмотрение преддоговорных правоотношений как разновидности внедоговорных обязательств оправдывается тем, что преддоговорное правоотношение по содержанию является обязательственным, поскольку соответствует определению обязательства, закрепленному в пункте 1 статьи 307 ГК РФ или параграфе 21 ГГУ, которое можно сформулировать так: «обязательство – это относительное правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершать в пользу другого лица (кредитора) определенные содержанием правоотношения действия; например, передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести

вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п. либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности». По назначению преддоговорное правоотношение является организационным, т. е. направленным на создание другого – организуемого – правоотношения, которым в этом случае будет выступать заключаемый посредством переговоров договор.

Относя организационные, т. е. неимущественные, преддоговорные правоотношения к категории обязательств, мы соглашаемся с возможностью существования самостоятельной группы обязательств, не опосредующих товарооборот (неимущественных обязательств). Такая точка зрения не является общепризнанной, поэтому требует пояснения.

Существуют два мнения относительно природы обязательства. Согласно первому подходу, одним из основных признаков обязательства является его функция – обеспечение динамики имущественного оборота [5, с. 29]. Такое понимание можно назвать классическим. Оно пришло в современную цивилистику из римского права: «...только то может быть предметом обязательства, что может быть выплачено деньгами...» [15, с. 114].

Основными аргументами сторонников этого подхода являются, во-первых, отсутствие возможности принудительного исполнения неимущественного обязательства, не обладающего имущественной санкцией, и, во-вторых, обращение неимущественного обязательства к личности должника, а не к его имуществу: по мнению сторонников классического подхода, обращение к личности означает ограничение правоспособности должника, а потому не допустимо [18, с. 24–25].

Сторонники данной точки зрения считают, что правоотношения, не являющиеся собственными обязательствами, т. е. не опосредующие товарооборот (например, предварительные договоры), «...непосредственно обслуживают имущественный оборот, неотделимы от него и в этом смысле не имеют самостоятельного значения...» [5, с. 26].

Последнее утверждение, особенно со ссылкой в качестве примера на предварительный договор, спорно. Чтобы в этом убедиться,

virtue of which one person (the debtor) is obliged to perform in favor of another person (the creditor) certain actions or to refrain from doing any actions provided that something other than a contract serves as a legal fact being the basis for the emergence of the obligations.

Among all known types of non-contractual obligations, the implementation of the cooperation principle can be found in at least two cases: in pre-contractual legal relations and in obligations in tort.

We consider pre-contractual legal relations to be a type of non-contractual non-property obligations the purpose of which is to prepare for the conclusion of a civil contract.

The legal fact being the basis for the emergence of a pre-contractual obligation is either the entry into negotiations on the contract conclusion [4, p. 22] or the moment when the behavior of the parties who have entered into negotiations clearly indicates an intention to conclude a contract or negotiate on its conclusion (sending of a proposal to make offers, signing of interim protocols, agreements and memoranda, agreed expenditures on preparations for the future contract, initialing of the agreed contract text, etc.) [1, p. 9], or, as A. Schwartz and R. E. Scott note, ‘...the parties have agreed on all material terms and intend to memorialize this agreement in a formal document’. [33, p. 664].

The understanding of pre-contractual legal relations as a type of non-contractual obligations is justified by the fact that in their content pre-contractual legal relations are obligatory since they correspond to the definition of an obligation enshrined in Item 1 of Article 307 of the Civil Code of the Russian Federation or Article 21 of the BGB (German Civil Code), which can be formulated as follows: ‘an obligation is a relative legal relation by virtue of which one person (debtor) is obliged to perform for the benefit of another person (creditor) actions determined by the content of the legal relation (for example, to transfer property, perform work, render a service, contribute to a joint activi-

ty, pay money, etc.) or to refrain from a certain action, while the creditor is entitled to demand from the debtor to perform his duty’. According to its purpose, pre-contractual legal relations are organizational (organizing), i.e. they are aimed at creating another (organized) legal relation – a negotiated contract, in our case.

By categorizing organizational, i.e. non-property pre-contractual, legal relations as obligations, we agree with the idea that there may exist an independent group of obligations that do not mediate the commodity turnover (non-property obligations). This point of view is not universally accepted, and therefore requires clarification.

There are two views as to the nature of the obligation. According to one approach, one of the main features of the obligation is its function – to ensure the dynamics of property turnover [5, p. 29]. Such understanding can be called classical. It came into modern civil law from Roman law, which adhered to the general principle: ‘...only that which can be paid in money can be a subject of an obligation...’. [15, p. 114].

The main arguments of the proponents of this approach are as follows. First, it is impossible to enforce the performance of a non-property obligation that does not have a property sanction; second, a non-property obligation is addressed to the debtor as a person, not to his property: according to the proponents of the classical approach, addressing to the person means limiting the legal capacity of the debtor, and therefore is not permissible [18, pp. 24–25].

Those who support this point of view believe that legal relations that are not binding in themselves, i.e. not mediating the commodity turnover (e.g. preliminary agreements), ‘...directly serve the property turnover, are inseparable from it and have no independent meaning...’ [5, p. 26].

The last statement, especially with reference to a preliminary contract as an example, is controversial. To see it clearly, it is necessary to

необходимо понять экономическую функцию данной договорной конструкции, ответив на вопрос о том, почему стороны предварительного договора, если они уже достигли соглашения о том, что между ними будет заключен основной договор, не могут сразу заключить основной договор, например, с условием об оплате в кредит (ст. 488 ГК РФ) или с условием о сохранении права собственности за продавцом до оплаты товара (ст. 491 ГК РФ), либо же с отменительными условиями, или прибегнуть к конструкции опционного договора.

По всей видимости, это объясняется тем, что предварительный договор предоставляет сторонам несколько большие возможности, чем просто гарантирование заключения основного договора. Например, заключая предварительный договор купли-продажи недвижимого имущества, стороны могут заранее предполагать возможность того, что основной договор все-таки не будет заключен (это объясняет выбор именно модели предварительного договора, а не опционного договора или основного договора). Мотивом такого подхода может служить стремление покупателя остановить процедуру продажи имущества, чтобы выиграть время на осмотр альтернативных объектов и не утратить при этом возможность купить объект, в отношении которого заключается предварительный договор. Для продавца такая конструкция может быть выгодна тем, что предварительный договор может предусматривать вознаграждение продавца в случае одностороннего отказа покупателя от исполнения предварительного договора (плату за выход из договора).

Кроме предварительного договора существуют и другие примеры организационных обязательств: например, обязательства из договора организации перевозки грузов, учредительный договор, договор простого товарищества, государственный контракт на поставку для государственных и муниципальных нужд, договоры между транспортными организациями [11].

Альтернативой классическому подходу является признание самостоятельного значения неимущественных обязательств. Одним из инициаторов такого подхода был немецкий ученый Рудольф фон Иеринг. Суть подхода заключается в том, что действия неимущест-

венного характера тоже могут быть предметом обязательства, что подтверждается наличием в пределах гражданского права «...областей неимущественного характера – прежде всего личных семейных отношений» [15, с. 115], а в современной юриспруденции и организационных отношений, в т. ч. преддоговорных.

Отказ от признания за организационными правоотношениями характера обязательств создает искусственную проблему квалификации преддоговорных правоотношений. Данные правоотношения невозможно отнести к договорным, так как отсутствует соответствующий юридический факт (договор). При этом в доктрине отсутствует учение о существующих за пределами обязательства самостоятельных организационных правоотношениях *sui generis*¹. Учитывая это, преддоговорные правоотношения мы рассматриваем как разновидность внедоговорных организационных (неимущественных) обязательств. Этому же подхода придерживается германский законодатель: в силу подпункта 1 пункта 2 параграфа 311 ГГУ, вступление в переговоры о заключении договора является основанием для возникновения обязательства, содержащего обязанности согласно абзацу 2 параграфа 241 ГГУ; в соответствии с пунктом 3 параграфа 311 ГГУ, обязательство, содержащее обязанности согласно абзацу 2 параграфа 241 ГГУ, может также возникнуть в отношении лиц, которые сами не должны стать сторонами в договоре. Такое обязательство возникает, в частности, когда третье лицо пользуется особым доверием и таким образом оказывает значительное влияние на предварительные переговоры или на заключение договора.

Правовой науке известны две основных процедуры заключения договора: 1) классическая процедура с использованием акцепта и оферты и 2) заключение договора посредством переговоров. Помимо основных существуют еще специальные процедуры: заключение договора на торгах, заключение публичного договора, с помощью электронных сетей, с использованием писем о подтверждении и т. д. [10, с. 80].

¹ Организационные правоотношения, как правило, рассматриваются в контексте обязательств: либо как самостоятельные неимущественные обязательства, либо как тесно связанные с обязательствами и потому несамостоятельные правоотношения.

understand the economic function of this contractual structure by answering the question of why the parties to a preliminary contract, if they have already reached an agreement that there will be concluded a main contract between them, cannot immediately conclude the main contract, for example, with a condition of credit payment (Article 488 of the Civil Code of the Russian Federation) or with a condition of the seller's ownership rights being preserved until payment for goods (Article 491 of the Civil Code), or with canceling conditions, or using the model of option contract?

Apparently, this is because a preliminary contract provides the parties with somewhat greater possibilities than simply guaranteeing the conclusion of the main contract. For example, by concluding a preliminary contract for the sale of real estate, the parties may anticipate in advance the possibility that the main contract may eventually not be concluded (this explains the selection of the preliminary contract model rather than an option contract or a main contract). The motivation for this approach may be the desire of the buyer to suspend the sale of the property in order to gain time to look at alternative objects and not to lose the opportunity to buy the object in respect of which the preliminary contract is concluded. For the seller, such a construction may be advantageous because the preliminary contract may provide for a remuneration to the seller in the event of unilateral withdrawal of the buyer from the preliminary contract (fee for withdrawal from the contract).

In addition to the preliminary contract, there are other examples of organizational obligations. For example, obligations from the contract for cargo forwarding, the memorandum of association, the simple partnership contract, the state contract for the supply for state and municipal needs, contracts between transport organizations [11].

An alternative to the classical approach is the recognition of the independent value of non-property obligations. One of the initiators of this approach was the German scholar Rudolf von Ihering. The essence of the approach is that actions of

a non-property nature can also be the subject of an obligation, which is confirmed by the presence within civil law of '...areas of a non-property nature – first of all, personal family relations' [15, p. 115], and also by the presence in modern jurisprudence of organizational relations, including pre-contractual ones.

The refusal to recognize the nature of organizational legal relations as obligations creates an artificial problem of qualifying pre-contractual legal relations. These legal relations cannot be classified as contractual since there is no relevant legal fact (contract). At the same time, in the doctrine there is no theory of independent organizational legal relations *sui generis* existing outside of the obligation¹. Taking this into account, we consider pre-contractual legal relations to be a type of non-contractual organizational (non-property) obligations. The same approach is followed by the German legislator: by virtue of subitem 1 of Item 2 of Article 311 of the BGB, entering into negotiations on the conclusion of a contract is the basis for the emergence of an obligation containing duties under paragraph 2 of Article 241 of the BGB; in accordance with Item 3 of Article 311 of the BGB, an obligation containing duties under paragraph 2 of Article 241 of the BGB may also arise in respect of persons who themselves are not supposed to become parties to the contract. Such an obligation arises in particular when a third party enjoys a special position of trust and thereby exerts significant influence on preliminary negotiations or the conclusion of a contract.

Legal science knows two main procedures for concluding a contract: 1) the classical procedure with the use of acceptance and offer, 2) conclusion of a contract through negotiation. In addition to the basic procedures, there are special procedures: entering into a contract by tender, entering into a public contract, using electronic networks, using letters of confirmation, etc. [10, p. 80].

¹ Organizational legal relations are usually considered in the context of obligations: either as independent non-property obligations, or as closely related to obligations and therefore not independent legal relations.

Специальные процедуры в рамках настоящей статьи мы не рассматриваем, поскольку они существуют либо для какой-то определенной цели (например, торги) и регулируются в императивном порядке специальным законодательством, либо представляют собой частный случай договорного обязательства (предварительный договор, рамочный договор, опцион на заключение договора, опционный договор и т. д.).

В рамках классической процедуры принцип сотрудничества не реализуем. Причиной является то, что принцип сотрудничества определяет характер осуществления прав и исполнения обязанностей, уже существующих в рамках какого-то обязательства. В классической процедуре мы не можем установить наличие такого обязательства. Согласно ст. 435 ГК РФ, офертой признается адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение. Акцептом признается ответ лица, которому адресована оферта, о ее принятии (ст. 438 ГК РФ). Договор при таком способе считается заключенным с момента принятия акцепта (п. 1 ст. 433 ГК РФ). Как видно, до надлежащего акцепта стороны классических преддоговорных отношений¹ не связаны преддоговорным правоотношением и могут действовать исходя из своих личных целей, не учитывая интересы отсутствующего пока контрагента.

Совсем иная ситуация наблюдается в процедуре заключения договоров посредством переговоров. Переговоры – более гибкий и неформальный способ. Ключевым достоинством переговоров является то, что при таком способе между субъектами гражданского права (сторонами переговоров) еще до заключения договора может возникнуть особое правоотношение, что приводит к связанности субъектов друг с другом. Последнее обстоятельство повышает степень обеспеченности интересов участников переговоров и в то же время налагает на них дополнительную ответственность за соблюдение

¹ Эти отношения не регулируются правом, поэтому мы называем их преддоговорными отношениями, а не правоотношениями.

интересов контрагента. Поэтому основная норма, регулирующая порядок ведения переговоров, как в российском (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ), так и в западноевропейских правовых системах [35; 39, pp. 171–198; 34, pp. 668–673], определяет, что при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно.

Авторы компаративного исследования преддоговорной ответственности в странах англосаксонской и континентальной правовых семей И. Швенцер, П. Хачем и К. Ки отмечают, что во всех правовых системах, в которых закреплен принцип добросовестности, признается правило о том, что при ведении переговоров стороны принимают на себя определенную степень ответственности за защиту законных интересов другой стороны. В рамках преддоговорных правоотношений авторы обнаруживают три дополнительные группы обязанностей, содержательно раскрывающих императивы принципа добросовестности применительно к преддоговорным правоотношениям. Такие группы включают в себя: 1) информационные обязанности («information duties»); 2) требование честного поведения («...certain honest behavior...») и 3) требование по сохранению конфиденциальности информации («duties of confidentiality») [35].

Все три группы мы обнаруживаем в тексте статьи 434.1 ГК РФ, регулирующей порядок ведения переговоров. Так, согласно пункту 2, не допускается вступление в переговоры или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения (требование честного поведения), недобросовестными действиями предполагаются предоставление неполной или недостоверной информации (информационные обязанности) и внезапное и неоправданное прекращение переговоров при обстоятельствах, когда другая сторона не могла разумно этого ожидать (требование честного поведения)². Согласно пункту 4 статьи 434.1 ГК РФ, если в ходе переговоров сторона получает инфор-

² Честное поведение предполагает открытое отношение к контрагенту. Внезапное и неоправданное прерывание переговоров, если контрагент действительно полагался на то, что договор все же будет заключен, свидетельствует о нарушении обязанности вести переговоры в открытую, т. е. является нарушением требования честного поведения.

We do not consider the special procedures within the scope of this paper because they exist either for a specific purpose (e.g., bidding) and are regulated imperatively by special legislation, or represent a special case of a contractual obligation (preliminary contract, framework contract, option to conclude a contract, option contract, etc.).

In a classical procedure, the cooperation principle is unimplementable. The reason is that the cooperation principle determines the nature of the exercise of rights and of the performance of duties already existing under an obligation. The reason is that the cooperation principle determines the nature of the exercise of rights and the performance of duties already existing under an obligation. According to Article 435 of the Civil Code of the Russian Federation, an offer is a proposal addressed to one or several specific persons that is sufficiently definite and expresses the intention of the person who have made a proposal to consider himself as having concluded a contract with the addressee who will accept the proposal. Acceptance is the response of the person to whom the offer is addressed to accept it (Article 438 of the Civil Code). Under this method, the contract is considered concluded from the moment of acceptance (Item 1 of Article 433 of the Civil Code). As can be seen, before the proper acceptance the parties to the classic pre-contractual relations¹ are not bound by a pre-contractual legal relation and can act on the basis of their personal purposes, not taking into account the interests of the counterparty who is not yet present.

The situation is quite different in the procedure for concluding contracts through negotiation. Negotiations are a more flexible and informal way. The key advantage of negotiation is that in this method, a special legal relation may arise between the persons at civil law (the parties to the negotiations) even before the conclusion of a contract, which leads to the binding of the parties to each other. The latter circumstance increases the degree of security of interests of the negotiating parties and, at the same time, imposes on them additional

¹ These relations are not regulated by law, so we call them pre-contractual relations, and not legal relations.

responsibility for respecting the interests of the counterparty. That is why the basic norm regulating the procedure for negotiations, both in Russian (Item 2 of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation) and in Western European legal systems [35; 39, pp. 171–198; 34, pp. 668–673], establishes that, when entering into negotiations about the conclusion of a contract, during their conduct and upon their conclusion, the parties are obliged to act in good faith.

The authors of a comparative study of pre-contractual liability in the Anglo-Saxon and continental legal families I. Schwenzer, P. Hachem, and K. Kee note that all legal systems that enshrine the good faith principle recognize the rule that when negotiating the parties assume a certain degree of responsibility for protecting the legitimate interests of the other party. Within the framework of pre-contractual legal relations, the authors find three additional groups of duties, which substantially reflect the imperatives of the good faith principle in relation to pre-contractual legal relations. Such groups include: 1) information duties; 2) certain honest behavior; 3) duties of confidentiality [35].

We find all the three groups in the text of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation, which regulates the order of negotiations. For example, according to Item 2 of this article, it is forbidden to enter into negotiations or continue them in the absence of the intention to reach an agreement (the requirement of honest behavior, or honest dealing). According to the same rule, bad faith actions include the provision of incomplete or unreliable information (information duties) and a sudden and unjustified termination of negotiations under circumstances in which the other party could not have reasonably expected it (honest dealing requirement)². According to Item 4 of the article, if in the course of negotiations, a party receives

² Honest dealing presupposes an open attitude toward the counterparty. Sudden and unjustified interruption of negotiations, if the counterparty really relied on the fact that the contract will still be concluded, indicates a violation of the duty to negotiate openly, i.e. it is a violation of the requirement of honest dealing.

мацию, которая передана ей в качестве конфиденциальной, она обязана не раскрывать эту информацию и не использовать ее ненадлежащим образом для своих целей независимо от того, будет ли заключен договор (требование по сохранению конфиденциальной информации).

Если все преддоговорное отношение регулируется принципом добросовестности, то тогда справедлив вывод о том, что и принцип сотрудничества здесь также находит свою реализацию, что свидетельствует о возможности его применения за пределами договорных правоотношений.

Интересным представляется порассуждать над возможностью реализации идеи сотрудничества во внедоговорных обязательствах из причинения вреда (деликтных обязательствах).

В отличие от преддоговорных правоотношений и договоров, стороны деликтного обязательства вступают в правовую связь против своей воли (однако стоит предположить, что потерпевший, наверное, хотел бы избежать участи быть потерпевшим). Если учитывать хотя бы только это обстоятельство, можно подумать, что никакого сотрудничества здесь быть не может. По крайней мере, до тех пор пока между сторонами деликтного правоотношения не будет достигнуто соглашение о порядке возмещения ущерба.

Все же представляется, что ситуация не является столь однозначной. Если мы проанализируем положения ФГК, ГГУ, ГК РФ и Модельные правила европейского частного права, то обнаружим во всех актах одно и то же правило о том, что лицо, причинившее вред, обязано этот вред возместить (ст. 1382 ФГК; параграфы 249, 823 ГГУ; ст. 1064 ГК РФ; ст. VI.-1:101 Модельных правил европейского частного права). Таким образом, в силу факта причинения вреда личности или имуществу между сторонами возникает правоотношение, целью которого является возмещение потерпевшему причиненного вреда или, как точно выразился германский законодатель, восстановление положения, которое существовало бы, если обстоятельство, обязывающее к возмещению, не наступило бы (п. 1 параграфа 249 ГГУ).

Достижение указанной цели требует соблюдения двух условий: во-первых, проведения

сторонами обязательства из причинения вреда мероприятий, направленных на минимизацию размера вреда, а также на предотвращение дальнейшего увеличения размера вреда; во-вторых, принятия сторонами обязательства из причинения вреда (*как причинителем вреда, так и самим потерпевшим*) всех возможных мер по получению потерпевшим причитающегося ему возмещения.

Проведение мероприятий по минимизации вреда необходимо, поскольку с повышением подлежащих выплате сумм снижается вероятность того, что у причинителя вреда хватит финансовых возможностей для их выплаты. Примерами таких мероприятий могут быть своевременное обращение потерпевшего за медицинской помощью, консервация поврежденного имущества, предоставление причинителем вреда средств для оперативной помощи потерпевшему и т. д.

Если обязанность причинителя вреда по совершению действий, направленных на устранение вреда и его минимизацию вытекает из принципов неприкосновенности собственности и неприкосновенности личности, то в отношении аналогичной обязанности потерпевшего этот вывод однозначно не следует. Совершая действия по своевременному обращению за медицинской помощью или консервации поврежденного имущества, зная при этом, что делинквент будет в любом случае обязан возместить ущерб в полном объеме, потерпевший фактически помогает делинквенту, уменьшая степень (размер) его ответственности за совершенный деликт. Разве это не может считаться проявлением добросовестности в форме сотрудничества?

Принятие сторонами обязательства из причинения вреда всех возможных мер, направленных на получение потерпевшим причитающегося полного возмещения, позволяет расширить перечень источников, из которых потерпевший сможет получить удовлетворение. В этом случае источником обязанностей также является принцип сотрудничества. Как было отмечено ранее, причинитель вреда обязан возместить потерпевшему причиненный вред. С чисто практических целей это может означать, что причинитель вреда должен предоставить потерпевшему возмещение из соб-

information that was given to it as confidential, it must not disclose this information and must not use it improperly for its own purposes, regardless of whether the contract is concluded (duties of confidentiality).

If the entire pre-contractual relation is governed by the good faith principle, then it is fair to conclude that the cooperation principle also finds its realization here, which shows that it can be applied outside of contractual legal relations.

It is interesting to speculate on the possibility of implementing the idea of cooperation in non-contractual obligations arising from the infliction of harm (delictual obligations, or obligations in tort).

In contrast to pre-contractual legal relations and contracts, the parties to an obligation in tort enter into a legal relation against their will (at least, it is worth assuming that the injured party would have probably preferred to avoid being an injured party). If we take this circumstance alone into account, it is hard to escape a conclusion that there could be no cooperation here. At least until an agreement is reached between the parties to a delictual legal relation on how to reimburse damages.

However, it still seems to us that the situation is not so unambiguous. If we analyze the provisions of the CCF, BGB, Civil Code of the Russian Federation and the Model Rules of European Private Law, in all the acts we find the same rule that the person who caused the damage must reimburse the damage (Article 1382 of the CCF, Articles 249 and 823 of the BGB, Article 1064 of the Civil Code of the Russian Federation, Article VI.-1:101 of the Model Rules of European Private Law). Thus, by virtue of the fact of harm inflicted on persons or property, there arises a legal relation between the parties the purpose of which is to reimburse the injured party the injury suffered or, as the German legislators put it precisely, to restore the situation that would have existed if the circumstance obligatory for reimbursement had not occurred (Item 1 of Article 249 of the BGB).

Achievement of the specified purpose requires compliance with two conditions: first, the

implementation by the parties to the obligation in tort of measures aimed at minimizing the harm amount as well as at preventing a further increase in the harm amount; second, the adoption by the parties to the obligation in tort (*both by the tortfeasors and the victim himself*) of all possible measures to obtain by the victim the reimbursement due to him.

Measures aimed at minimizing harm are necessary because as the amounts to be paid out increase, it is less likely that the tortfeasor will have the financial means to pay them out. Examples of such measures could be a timely request by the victim for medical assistance, preservation of damaged property, provision by the tortfeasor of means for prompt assistance to the victim, etc.

The duty of the tortfeasor to take action to eliminate harm and minimize it derives from the principles of inviolability of property and inviolability of person. However, with respect to the similar duty of the victim, this conclusion does not follow unambiguously. By taking action to seek timely medical care or preserve damaged property, while knowing that the tortfeasor will in any case be obliged to reimburse the damages in full, the victim is actually helping the tortfeasor by reducing his liability for the tort committed. Cannot that be considered good faith in the form of cooperation?

If parties to an obligation in tort take all possible measures aimed at obtaining full reimbursement due to the victim, the list of sources from which the victim will be able to obtain his satisfaction may be extended. In this case, the cooperation principle is one of the sources of duties. As noted earlier, the tortfeasor is obliged to reimburse the victim for the harm caused. For purely practical purposes, this may mean that the tortfeasor must provide reimbursement to the victim from his

ственных средств (стоимости собственного имущества), за исключением случаев, когда вред может быть возмещен за счет имущества иных лиц, например законных представителей, если вред причинен несовершеннолетним гражданином (ст. 1073, 1074 ГК РФ; параграф 832 ГГУ). В таком случае при недостаточности имущества причинитель вреда будет продолжать оставаться должником потерпевшего, как минимум, до истечения сроков давности взыскания долга (исковой давности, сроков принудительного исполнения решения о взыскании ущерба и т. д.). Очевидно, что такое положение дел не отвечает требованию соблюдения справедливости и добросовестности. Нарушение справедливости заключается в том, что нарушенный охраняемый законом интерес потерпевшего оказывается без надлежащей защиты, а нарушение добросовестности – в том, что виновник получает возможность не стремиться к возмещению ущерба со ссылкой на отсутствие у него имущества. Чтобы этого не происходило, обязанность причинителя вреда возместить причиненный ущерб необходимо толковать шире, используя для этого принцип добросовестности, детализируя его через принцип сотрудничества.

Реализация принципа сотрудничества применительно к обязанности делинквента возместить причиненный ущерб будет означать возникновение у последнего обязанности не только возместить вред за счет собственного имущества, но и предпринять меры по получению потерпевшим удовлетворения за счет иных источников. Таким «иным источником» может быть страховое возмещение, если ответственность причинителя вреда была застрахована [25], либо если застрахованными оказались жизнь, здоровье или имущество потерпевшего. Аналогичная обязанность по получению удовлетворения из иных источников должна налагаться и на потерпевшего. Так, например, если потерпевшим был застрахован риск причинения вреда его имуществу, обращение за возмещением только к делинквенту, игнорируя при этом возможность получить страховое возмещение, следует признать недобросовестным поведением, так как в этом случае потерпевший, если у него нет разумных мотивов не обращаться за выплатой страхового возмещения,

очевидно, реализует свое право на получение возмещения ущерба непосредственно от причинителя вреда не с целью восстановить свое имущественное положение, а с целью ухудшить имущественное положение причинителя вреда.

Подводя итог, необходимо признать, что перенесение взгляда с узкого круга договорных правоотношений на всю совокупность относительных правоотношений позволяет установить возможность реализации принципа сотрудничества не только в договорных обязательствах, но также и в обязательствах из причинения вреда и преддоговорных правоотношениях.

Реализация принципа сотрудничества (обязанности сотрудничать) в вещных правоотношениях

Как было отмечено выше, в западноевропейской науке высказывается два мнения насчет применения принципа добросовестности и обязанности сотрудничать за пределами договорных правоотношений. Французский подход не предполагает распространения обязанности сотрудничать на иные, помимо договорных, правоотношения. Немецкий подход допускает существование обязанности сотрудничать как дополнительной обязанности, входящей в содержание гражданского правоотношения и обосновываемой через действие принципа доброй совести. Общеввропейский компромиссный подход (DCFR) по своему содержанию оказывается ближе к французской модели.

В этой связи исходя из французского подхода рассмотреть реализацию обязанности сотрудничать и принципа сотрудничества в абсолютных правоотношениях невозможно. Однако с позиций немецкого и российского права ситуация представляется совершенно иной.

Для того чтобы понять механизм реализации принципа сотрудничества в вещных правоотношениях, являющихся абсолютными, необходимо определиться с основными положениями теории абсолютных правоотношений, которых придерживаемся мы и которые можно считать общепризнанными в континентальной юридической науке.

Во-первых, абсолютные правоотношения – это правоотношения между субъектом-правообладателем абсолютного права (права собст-

own funds (the value of his own property), except in cases where the harm can be reimbursed at the expense of the property of other persons, for example, legal representatives, if the harm was caused by a minor citizen (Articles 1073, 1074 of the Civil Code of the Russian Federation, Article 832 of the BGB). In this case, if there is not enough property, the tortfeasor will continue to owe the victim at least until the expiration of the limitation period for collecting the debt (statute of limitations, time limits for enforcing the decision to collect damages, etc.). Obviously, this state of affairs does not meet the requirement of justice and good faith. A violation of justice lies in that the victim's legally protected interest is violated without adequate protection, while violation of good faith consists in that the perpetrator is allowed to fail to seek redress with reference to his lack of property. To prevent this from happening, the duty of the tortfeasor to reimburse the damage caused must be interpreted more broadly, using the good faith principle, detailing it through the cooperation principle.

The implementation of the cooperation principle in relation to the duty of the tortfeasor to reimburse the harm caused will mean the emergence of the duty with him not only to reimburse the harm from his own property but also to take measures to obtain the victim's satisfaction from other sources. Such an 'other source' may be an insurance reimbursement if the liability of the tortfeasor has been insured [25] or if the life, health or property of the victim has been insured. A similar duty to obtain satisfaction from other sources shall also be imposed on the victim. For example, if the victim has been insured against the risk of damage to his property, applying for reimbursement only to the tortfeasor, while ignoring the opportunity to receive insurance reimbursement, should be recognized as bad faith behavior because in this case the victim, unless he has a reasonable motive not to seek payment of insurance reimbursement, ob-

viously, exercises his right to reimbursement directly from the tortfeasor not in order to restore his property situation but in order to worsen the property situation of the tortfeasor.

Summarizing the above, we must admit that the transfer of the perspective from a narrow range of contractual legal relations to the whole totality of relative legal relations makes it possible to establish the possibility of implementing the cooperation principle not only in contractual obligations but also in obligations in tort and pre-contractual legal relations.

Implementation of the Cooperation Principle (Duty to Cooperate) in Legal Relations in rem

As noted above, there are two views among Western European scholars on the application of the good faith principle and the duty to cooperate outside of contractual legal relations. The French approach does not extend the duty to cooperate to relations other than contractual ones. The German approach admits the existence of the duty to cooperate as an additional duty being part of the content of a relation under civil law and justified through the operation of the good faith principle. The European compromise approach (DCFR) is closer in its content to the French model.

Thus, from the point of view of the French approach, it is impossible to consider the implementation of the duty to cooperate and the cooperation principle in absolute legal relations. However, from the standpoint of German and Russian law, the situation appears to be quite different.

In order to understand the mechanism of the implementation of the cooperation principle in legal relations in rem, which are absolute, it is necessary to understand the basic provisions of the theory of absolute legal relations, which we adhere to and which can be considered generally recognized in continental jurisprudence.

First, absolute legal relations are legal relations between the holder of an absolute right (right

венности, сервитута, права залога, права застройки, исключительного права на результат интеллектуальной деятельности и т. д.) и всеми иными правосубъектными лицами, как юридическими, так и физическими, как знакомыми, так и незнакомыми обладателю абсолютного права и друг другу.

Во-вторых, объектом абсолютного правоотношения является поведение субъектов правоотношения, определяемое его содержанием. Объект права, по отношению к которому у обладателя абсолютного права (управомоченного лица, правообладателя) возникает абсолютное право, не стоит смешивать с объектом правоотношения. Чтобы не путаться в терминологии, для целей нашего исследования будем такие объекты (вещи, произведения, изобретения, средства индивидуализации и т. д.) именовать понятием «предмет правоотношения».

В-третьих, содержанием абсолютного правоотношения служит комплекс прав и обязанностей, которые в общем виде можно охарактеризовать как, с одной стороны, право обладателя абсолютного права (управомоченного лица, правообладателя) осуществлять с предметом правоотношения любые действия, если только они не нарушают прав и охраняемых законом интересов третьих лиц; и с другой стороны, обязанность каждого иного субъекта (обязанного лица) воздерживаться от любого поведения, которое может хоть как-то помешать обладателю абсолютного права (управомоченному лицу, правообладателю) в осуществлении им его абсолютного права на предмет правоотношения.

Теперь, когда мы определились с ключевыми категориями абсолютного правоотношения, перейдем к рассмотрению вопроса о возможности реализации принципа сотрудничества в вещных правоотношениях, являющихся классическим и достаточно наглядным примером абсолютного правоотношения.

Как показано выше, из содержания принципа сотрудничества выделяются дополнительные обязанности, вытекающие из представлений о добросовестности и расширяющие содержание гражданского правоотношения с целью обеспечить достижение его цели наиболее эффективным образом, а также предоставить субъектам правоотношений необхо-

димый для устранения непредвиденных препятствий к достижению цели правоотношения инструментарий.

Цель вещного правоотношения состоит в обеспечении управомоченному лицу господства над вещью, его исключительного права предпринимать с ней любые действия, не запрещенные законом и не нарушающие охраняемые законом интересы иных лиц. Исходя из этого принцип сотрудничества, как источник дополнительных обязанностей, должен вступать в действие тогда, когда происходит какое-то событие, в результате которого управомоченное лицо утрачивает господство над вещью. При этом такое «отложенное включение» принципа не означает, что в момент утраты господства над вещью происходит изменение содержания правоотношения и оно дополняется необходимостью осуществлять права и исполнять обязанности на основе сотрудничества. Вытекающие из принципа сотрудничества дополнительные обязанности наполняют содержание любого правоотношения, где такой принцип реализуем, в момент возникновения соответствующего правоотношения, а «включение» принципа – это всего лишь акт реализации содержания правоотношения.

Утрата господства может происходить двумя способами: во-первых, в результате действий обязанного лица (например, присвоение обязанным лицом вещи управомоченного лица), что является основанием для применения вещно-правовых способов защиты (негаторного или виндикационного иска, иска об исключении имущества из описи и т. д.) и не требует обращения к императивам принципа сотрудничества; во-вторых, в результате случайного стечения обстоятельств, когда правонарушение, как и правонарушитель, отсутствует, но управомоченное лицо все равно лишается господства над вещью. Наглядным примером является потеря вещи, влекущая за собой появление у обязанного лица, нашедшего вещь¹, целого комплекса прав и обязанно-

¹ Мы используем термин «обязанное лицо», определяя тем самым правовой статус субъекта гражданского права в данном абсолютном правоотношении. Когда субъект находит потерянную вещь, он продолжает оставаться обязанным лицом в абсолютном правоотношении собственности, но при этом его статус дополняется статусом лица,

of ownership, easement, right of pledge, right of development, exclusive right to the result of intellectual activity, etc.) and all other persons having legal personality, both legal and physical, both familiar and unfamiliar to the holder of the absolute right and to each other.

Second, the object of an absolute legal relation is the behavior of the participants in a legal relation determined by its content. The object of the right in relation to which the holder of an absolute right (a competent person, a right holder) acquires the absolute right should not be confused with the object of a legal relation. In order not to confuse the terminology, for the purposes of our study, we will further refer to such objects (things, works, inventions, means of individualization, etc.) as the 'subject of legal relations'.

Third, the content of an absolute legal relation is a set of rights and duties, which in general terms can be characterized as, on the one hand, the right of the holder of an absolute right (the authorized person, the right holder) to perform any action with the subject of the legal relation as long as they do not violate the rights and legally protected interests of third parties; on the other hand, the obligation of any other person (obligated person) to refrain from any behavior that might in any way interfere with the holder of the absolute right (the authorized person, the right holder) in exercising his absolute right to the subject of the legal relation.

Now that we have identified the key categories of absolute legal relations, let us move on to consider the possibility of implementing the cooperation principle in legal relations in rem, which are a classic and fairly obvious example of absolute legal relations.

As shown above, the content of the cooperation principle includes additional duties that arise from the idea of good faith and expand the content of a civil law relation in order to ensure the achievement of its purpose in the most efficient way, as well as to provide the legal relation participants with tools necessary to eliminate

unforeseen obstacles to the achievement of the purpose of the relation.

The purpose of a legal relation in rem is to ensure the authorized person's dominion over a thing, his exclusive right to take any action with it that is not prohibited by law and does not violate the legally protected interests of other persons. On this basis, the cooperation principle as a source of additional duties must 'come into play' when there occurs some event that results in the loss of dominion over the thing by the authorized person. At the same time, this 'deferred activation' of the principle does not mean that at the moment of the loss of dominion over the thing, the content of the legal relation changes and it is supplemented with the need to exercise rights and perform duties on the basis of cooperation. Additional duties arising from the cooperation principle fill the content of any legal relation where such a principle can be implemented at the time of the emergence of the corresponding legal relation, while the 'activation' of the principle is only an act of realization of the content of the legal relation.

The loss of dominion can occur in two ways: first, as a result of the actions of the obligated person (for example, appropriation by the obligated person of a thing belonging to the authorized person), which is the ground for the application of in rem protection methods (negation or vindication action, action for exclusion of property from the inventory, etc.) and does not require recourse to the imperatives of the cooperation principle; second, as a result of accidental coincidence, when an offense, as well as an offender, does not exist, but the authorized person is still deprived of dominion over the thing. An illustrative example is the loss of a thing, when the obligated person who has found the thing¹ acquires a whole range of rights

¹ We use the term 'obligated person' thereby defining the legal status of the person at civil law in this absolute legal relation. When a person finds a lost thing, he continues to be an obligated person in the absolute legal relation of ownership but his status is supplemented by the status of the person who has

стей по поводу находки, регулируемых в Германии параграфами 965–971 ГГУ, а в России статьями 227 и 230 ГК РФ.

Несмотря на различия в юрисдикциях, регулирование последствий находки в целом одинаково. Первое, что бросается в глаза при прочтении параграфа 965 ГГУ и статьи 227 ГК РФ, – это возникновение у лица, нашедшего вещь, обязанности сообщить о находке потерпевшему, собственнику или другому управомоченному на получение вещи лицу, а при отсутствии сведений о таких лицах – компетентному учреждению (Германия) либо полиции или органу местного самоуправления (Россия).

Следующими обязанностями нашедшего находку лица в Германии становятся обязанности хранить вещь либо продать ее, если она является скоропортящейся (параграф 966 ГГУ), а также вернуть вещь либо выручку от ее продажи собственнику или иному лицу, управомоченному на получение вещи (параграф 969 ГГУ).

В России действуют схожие правила с той лишь разницей, что обязанное лицо, нашедшее вещь, не обязано, а имеет право хранить вещь. Если желания хранить вещь у нашедшего ее нет, он вправе сдать ее на хранение в органы полиции или орган местного самоуправления.

При квалификации правоотношения, возникающего между управомоченным лицом и обязанным лицом, нашедшим вещь, можно предположить, что между нашедшим вещь лицом и управомоченным лицом в силу факта находки возникает особое правоотношение, содержанием которого являются описанные выше права и обязанности нашедшего вещь лица, а также права и обязанности управомоченного лица. Однако, с нашей точки зрения, такой вывод был бы неправильным.

Бесспорно, что потеря вещи является юридическим фактом (событием). Юридический факт может служить основанием для возникновения гражданского правоотношения.

Если в отношениях по поводу находки участвуют два субъекта – управомоченное лицо и нашедшее вещь обязанное лицо, то такое правоотношение можно попытаться квалифицировать как относительное. Однако уже сами нормы ГГУ и ГК РФ предусматривают ситуа-

цию, когда лицу, нашедшему вещь, сведения о личности управомоченного лица и его местонахождении неизвестны. Если учитывать случайный характер находки, можно с определенной долей уверенности сказать, что ситуаций, когда нашедшее вещь лицо не знает о личности управомоченного лица, большинство. Кроме того, из этого также справедливо весьма вероятное предположение о том, что стороны такого правоотношения не будут знать не только друг о друге, но и вообще о каком бы то ни было новом правоотношении. Справедливо ли будет признать существование относительного правоотношения, в котором стороны не знают друг друга и, скорее всего, даже не догадываются о возникновении самого правоотношения? Представляется, что существование такого типа относительных правоотношений невозможно хотя бы потому, что в них отсутствует возможность сформулировать с должной степенью определенности их содержание и субъектный состав.

Само по себе правило, предусматривающее обязанность нашедшего вещь вернуть ее управомоченному лицу, подразумевает, что потеря вещи не прекращает вещного правоотношения. Следовательно, обязанное лицо, нашедшее чужую вещь, продолжает находиться в статусе обязанного субъекта абсолютного вещного правоотношения, существующего между управомоченным лицом и всеми иными лицами, обязанными не нарушать вещное право. Говорить о возникновении в связи с находкой самостоятельного абсолютного правоотношения тоже вряд ли уместно, так как в этом случае не обеспечивается реализация такого признака абсолютного правоотношения, как участие в нем в качестве субъекта неопределенного круга лиц (всех правосубъектных лиц).

Если вещное правоотношение устанавливает принадлежность вещи определенному лицу, логичным является предположение о том, что ординарное развитие рассматриваемого вида правоотношения предполагает только такую модель, когда управомоченное лицо обладает вещью (на праве собственности либо ином вещном праве), а все иные лица не вмешиваются в дела управомоченного лица и не препятствуют ему делать с вещью все что угодно, если только это не выходит за пределы осуществления прав.

and duties regarding the find, regulated in Germany by Articles 965–971 of the BGB and in Russia by Articles 227 and 230 of the Civil Code.

Despite the differences in jurisdictions, the regulation of the consequences of finding a thing is generally the same. The first thing that attracts attention when reading Article 965 of the BGB and Article 227 of the Civil Code of the Russian Federation is the obligation imposed on the person who has found a thing to report it to the person who lost it, to the owner or another person authorized to receive the thing, and in the absence of information about such persons – to the competent authority (Germany) or the police or local authorities (Russia).

The following duties of a person who has found a thing in Germany are the duty to keep the thing or sell it if it is perishable (Article 966 of the BGB) and to return the thing or the proceeds from selling it to the owner or another person authorized to receive the thing (Article 969 of the BGB).

In Russia, similar rules apply, with the only difference that the obligated person who has found a thing is not obliged but has a right to keep the thing. If the finder has no desire to keep the thing, he has the right to deposit it with the police or local authorities.

When qualifying the legal relation arising between an authorized person and an obligated person who has found a thing, it is possible to assume that there arises a special legal relation between the person who has found the thing and the authorized person by virtue of the fact of finding, and the content of this relation is the rights and duties of the person who has found the thing described above, as well as the rights and duties of the authorized person. However, from our point of view, this would be a wrong conclusion.

It is indisputable that the loss of a thing is a legal fact (event). A legal fact may serve as the ground for the emergence of a legal relation under civil law.

If there are two participants involved in the relation about the find (the authorized person and the obligated person who has found the thing, then such a legal relation can be attempted to qualify as a relative one. However, the norms of the BGB and

---

found the thing. Thus, the person becomes the 'obligated person who has found the thing'.

the Civil Code of the Russian Federation provide for a situation in which the person who has found a thing does not know the identity and location of the authorized person. If we take into consideration the accidental nature of a find, it is possible to state with a certain degree of certainty that situations when the person who has found a thing does not know the identity of the authorized person constitute the majority. Moreover, it would be fair to assume that the parties to such a legal relation will not know not only about each other but also about any new legal relation at all. Would it be fair to recognize the existence of a relative legal relation in which the parties do not know each other, and most likely do not even realize that there has emerged a legal relation between them? It seems to us that the existence of such a type of relative legal relations is impossible, if only because it is not possible to formulate and determine with a proper degree of certainty their content and the parties involved.

The rule that provides for the duty of the finder to return the thing to the authorized person implies that the loss of the thing does not terminate the legal relation in rem. Consequently, the obligated person who has found a thing not belonging to him remains to be in the status of an obligated participant in an absolute legal relation in rem that exists between the authorized person and all other persons who are obligated not to violate the right in rem. It is also hardly appropriate to speak of the emergence of an independent absolute legal relation in connection with the finding since in this case there is not realized such a feature of an absolute legal relation as participation of an indefinite circle of persons (all persons having legal personality) in this relation as a party thereto.

If a legal relation in rem determines ownership of a thing by a certain person, it is logical to assume that ordinary development of the type of legal relations under consideration presupposes only such a model when the authorized person possesses the thing (based on the right of ownership or another right in rem), while all other persons do not interfere in the affairs of the authorized person and do not prevent him from doing anything with the thing as long as it does not go beyond the exercise of the rights.

нашедшего вещь. Таким образом, субъект становится «обязанным лицом, нашедшим вещь».

Предполагается ли на момент возникновения правоотношения, что управомоченное лицо потеряет вещь в будущем? Представляется, что нет, ведь потеря вещи – это событие случайное, не зависящее от воли субъектов вещного правоотношения. Если вещь выбывает из владения управомоченного лица по его воле, такое выбытие должно быть квалифицировано как распоряжение вещью, а не ее потеря. Если же вещь выбыла из владения управомоченного лица не по его воле, но по воле любого обязанного субъекта, который, например, решил украсть вещь, то такое выбытие следует признать основанием для возникновения у управомоченного лица права на защиту¹. Из этого следует, что находка потерянной вещи, как юридический факт, не влечет за собой возникновение нового правоотношения.

В таком случае потеря, как случайная утрата обладателем вещного права владения вещью, раскрывается через два признака. Во-первых, она изначально не предусмотрена содержанием вещного правоотношения. Во-вторых, факт потери вещи служит объективным (т. е. не зависящим от воли субъектов правоотношения) препятствием для достижения цели правоотношения (обеспечить принадлежность вещи управомоченному лицу) и при этом не сопровождается нарушением вещного права, так как отсутствует событие правонарушения.

Полагаем, что отношения по поводу находки справедливо признавать элементом содержания абсолютного вещного правоотношения, вытекающего из содержания принципа сотрудничества. Это означает, что правовое регулирование последствий находки чужой вещи, которая была случайно утрачена управомоченным лицом, в действительности демонстрирует проявление вытекающих из принципа

добросовестности, но нашедших свою самостоятельную позитивацию в содержании принципа сотрудничества дополнительных обязанностей субъектов вещного правоотношения по оказанию друг другу необходимого содействия (взаимопомощи) для достижения цели абсолютного вещного правоотношения – обеспечения обладателю права господства над вещью.

Заключение

Настоящее исследование посвящено проблеме реализации гражданско-правового принципа сотрудничества в иных, помимо договорных, гражданско-правовых отношениях. Данная проблема определила цель исследования: обосновать возможность реализации принципа сотрудничества в вещных, договорных и охранительных (из причинения вреда) правоотношениях на основе норм ФГК, ГГУ, ГК РФ, проекта Европейского Гражданского кодекса и Модельных правил европейского частного права.

Для достижения данной цели договорные, преддоговорные, охранительные и вещные правоотношения были рассмотрены с применением критериев деления гражданских правоотношений на относительные и абсолютные. Это позволило структурировать рассматриваемые правоотношения и проанализировать их содержание применительно к содержанию принципа сотрудничества.

В результате применения описанной методологии цель исследования была достигнута, получены следующие результаты.

Во-первых, установлено, что обязанность сотрудничать рассматривается во всех трех рассмотренных юрисдикциях главным образом как проявление принципа добросовестности. Разница заключается лишь в определении природы самой обязанности: в Западной Европе ее рассматривают как общую обязанность, вытекающую из принципа добросовестности, в России – как самостоятельный принцип гражданского права, существующий в содержании принципа добросовестности.

Во-вторых, принцип сотрудничества имеет две функции: 1) обеспечение наиболее эффективного достижения цели договора; 2) устранение непредвиденных на момент заключения договора обстоятельств, которые препятствуют

Is it assumed at the moment of the emergence of the legal relation that the authorized person will lose the thing in the future? It seems that not because the loss of a thing is an accidental event and does not depend on the will of the participants in legal relations in rem. If a thing withdraws from the possession of the authorized person in accordance with his will, such a withdrawal must be qualified as disposal of the thing, and not loss of it. If the thing has withdrawn the possession of the authorized person not because of his will, but because of the will of any obligated person that, for example, decided to steal the thing, such a withdrawal should be recognized as the ground for the right to protection to arise with the authorized person¹. It follows that finding of a lost thing as a legal fact does not entail the emergence of a new legal relation.

In this case, the loss, as an accidental loss by the holder of the right in rem to possession of a thing, is manifested in two features. First, the loss is not initially provided for by the content of the legal relation in rem. Second, the fact of loss of the thing serves as an objective (i.e., independent of the will of the legal relation participant) obstacle to achieving the purpose of the legal relation (which is to ensure that the thing belongs to the authorized person) and, at the same time, is not accompanied by a violation of the right in rem since there is no event of an offense.

Taking into account these conclusions, we believe that relations concerning a find are justly recognized as an element of the content of an absolute legal relation in rem arising from the content of the cooperation principle. This means that legal regulation of the consequences of finding another's thing, which was accidentally lost by the authorized person, in fact demonstrates the manifestation of additional duties of participants in a legal

relation in rem to provide each other with the necessary assistance (mutual assistance) with the aim of achieving the purpose of the absolute legal relation in rem – ensuring the dominion over the thing for the holder of the right, these duties arising from the good faith principle but having independent positivization in the content of the cooperation principle.

Conclusions

Our paper deals with the problem of implementation of the cooperation principle in civil law relations other than contractual. This problem determined the purpose of the study: to substantiate the possibility of implementing the cooperation principle in legal relations in rem, pre-contractual legal relations, and protective legal relations (relations in tort) on the basis of the norms of the CCF (Civil Code of the French), BGB (German Civil Code), Civil Code of the Russian Federation, the draft European Civil Code and the Model Rules of European Private Law.

To achieve the specified purpose, we studied contractual, pre-contractual, protective legal relations, and legal relations in rem through the prism of division of civil law relations into relative and absolute ones. This allowed us to structure the legal relations in question and analyze their content in relation to the content of the cooperation principle.

With the use of the described methodology, we managed to achieve the purpose of the study and obtain the following results.

First, we have established that the duty to cooperate is viewed in all the three studied jurisdictions primarily as the manifestation of the good faith principle. The difference lies only in defining the nature of the duty itself: in Western Europe it is considered to be a general obligation arising from the good faith principle, while in Russia – as an independent civil law principle that exists within the content of the good faith principle.

Second, the cooperation principle has two functions: 1) ensuring that the purpose of a contract is achieved in the most efficient way, 2) elimination of circumstances that prevent the

¹ Для целей настоящего исследования право на защиту мы рассматриваем как элемент содержания гражданского правоотношения, не разделяя это право с двумя другими известными правомочиями (право на собственные действия и право требовать совершения определенного поведения), составляющими субъективное право. Можно согласиться, что такой подход не лишен методологических противоречий, связанных с отсутствием в научной литературе единого понимания места права на защиту (либо это третье правомочие в составе субъективного права, либо самостоятельное субъективное право, либо право на собственные действия, созревшее для защиты). Полагаем, что отмеченные допущения и противоречия не влияют на обоснованность выводов исследования.

¹ For the purposes of this study, we consider the right to protection as an element within the content of a civil law relation, without separating this right from the other two known powers (the right to one's own actions and the right to demand a certain behavior), which taken together constitute a right. We agree that this approach is not without methodological contradictions associated with the lack of a unified understanding in the scientific literature of the place of the right to protection (either it is the third power within a right, or an independent right, or the right to one's own actions, which is ripe for protection). We believe that the noted assumptions and contradictions do not affect the validity of the conclusions of the study.

достижению его цели. Данные функции обнаруживаются при анализе особенностей реализации принципа в договорных правоотношениях, но могут быть применены и к другим видам гражданских правоотношений.

В-третьих, в договорных правоотношениях принцип сотрудничества реализуется неравномерно – объем требуемого сотрудничества зависит от отнесения договора к категории дискретных либо реляционных договоров.

В-четвертых, принцип сотрудничества реализуется в преддоговорных правоотношениях так же, как и в договорных. Отличие заключается лишь в том, что преддоговорные правоотношения, не урегулированные соглашением сторон, требуют большей степени сотрудничества, так как регулирование таких правоотношений имеет большую неопределенность.

В-пятых, в охранительных обязательствах (из причинения вреда) принцип сотрудничества реализуется в двух правилах: 1) обязанность сторон обязательства из причинения вреда предпринять меры по минимизации причиненного делинквентом ущерба; 2) обязанность сторон обязательства из причинения вреда предпринять все возможные меры по обеспечению получения потерпевшим причитающегося ему возмещения ущерба.

В-шестых, реализация принципа сотрудничества в вещных правоотношениях наблюдается в нормах, регулирующих последствия факта находки. Имеющиеся теоретические конструкции не позволяют считать права и обязанности обладателя вещного права и обязанного лица, нашедшего чужую вещь, содержанием какого-то самостоятельного правоотношения. По этой причине обязанность нашедшего чужую вещь лица по уведомлению об этом управомоченного лица, а также возврату найденной вещи следует считать дополнительной обязанностью такого обязанного лица, вытекающей из принципа сотрудничества.

Полученные результаты в полной мере свидетельствуют о реализуемости гражданско-правового принципа сотрудничества за пределами договорных обязательств, что, в свою очередь, означает приобретение принципом сотрудничества характера общеправового принципа гражданского права.

Библиографический список

1. Богданов В. В. Преддоговорные правоотношения в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 155 с.
2. Гайдаенко Шер Н. И. Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран): монография. М., 2016. 248 с.
3. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. 816 с.
4. Гнищевич К. В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (culpa in contrahendo): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.
5. Гражданское право: учебник; в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 3. 480 с.
6. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807 – 860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, О. М. Иванов, А. Г. Карапетов и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2019. 916 с.
7. Защита гражданских прав: избранные аспекты: сб. ст. / Ю. Н. Алферова, Ю. В. Байгушева, Ю. В. Виниченко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2017. 432 с.
8. Кругликова Е. В. Титульное обеспечение как способ обеспечения исполнения обязательств // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 414–432.
9. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.
10. Кучер А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М.: Статут, 2005. 363 с.
11. Морозов С. Ю. Система транспортных организационных договоров. М.: Норма, 2011. 352 с.
12. Нам К. В. История принципа добросовестности (TREU UND GLAUBEN) до принятия Германского гражданского уложения // Lex Russica. 2018. № 5 (138). С. 97–108. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.138.5.097-108.
13. Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glaube). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник эко-

achievement of the purpose of the contract but were unforeseen when concluding the contract. These functions are found when analyzing the peculiarities of implementing the principle in contractual legal relations, but can also be applied to other types of relations under civil law.

Third, in contractual legal relations the cooperation principle is implemented unevenly – the amount of cooperation required depends on the categorization of a particular contract as a discrete or a relational contract.

Fourthly, the cooperation principle is implemented in pre-contractual legal relations as well as in contractual ones. The only difference is that pre-contractual legal relations not regulated by an agreement of the parties require a higher degree of cooperation since the regulation of such legal relations is characterized by a greater uncertainty.

Fifthly, in protective obligations (obligations arising from the infliction of harm, or obligations in tort), the cooperation principle is implemented in two rules: 1) the duty of the parties to an obligation in tort to minimize the damage caused by the tortfeasor; 2) the duty of the parties to an obligation in tort to take all possible measures to ensure that the injured party receives the reimbursement due to him.

Sixthly, the implementation of the cooperation principle in legal relations in rem is observed in the norms governing the consequences of finding a thing. The available theoretical constructions do not allow us to consider the rights and duties of the holder of a right in rem and the obligated person who has found another's thing to constitute the content of some independent legal relation. For this reason, the duty of the person who has found another's thing to notify the authorized person about it, as well as to return the found thing, should be considered an additional duty of such an obligated person, arising from the cooperation principle.

The results obtained fully testify to the feasibility of the civil law cooperation principle outside of contractual obligations, which, in turn, means that the cooperation principle has acquired the character of a general principle of civil law.

References

1. Bogdanov V. V. *Preddogovornye pravootnosheniya v rossiyskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk* [Pre-Contractual Legal Relations in Russian Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 155 p. (In Russ.).
2. Gaydaenko Sher N. I. *Al'ternativnye mekhanizmy razresheniya sporov kak instrument formirovaniya blagopriyatnoy sredy dlya predprinimatel'skoy deyatel'nosti (opyt Rossii i zarubezhnykh stran): monografiya* [Alternative Mechanisms of Dispute Resolution as a Tool for Creating a Favorable Environment for Entrepreneurial Activity (Experience of Russia and Foreign Countries): Monograph]. Moscow, 2016. 248 p. (In Russ.).
3. Gambarov Yu. S. *Grazhdanskoe pravo. Obshhaya chast'* [Civil Law. General Part]. Moscow, 2003. 816 p. (In Russ.).
4. Gnitsevich K. V. *Preddogovornaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave (culpa in contrahendo): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Pre-Contractual Liability in Civil Law (culpa in contrahendo): Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2009. 26 p. (In Russ.).
5. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t.* [Civil Law: Textbook: in 4 vols.]. Ed. by E. A. Sukhanov. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, 2019. Vol. III. 480 p. (In Russ.).
6. *Zaem, kredit, faktoring, vklad i schet: postateynny kommentariy k stat'yam 807 – 860.15 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Loan, Credit, Factoring, Deposit and Account: Article-by-Article Commentary on Articles 807 – 860.15 of the Civil Code of the Russian Federation]. V. V. Baybak, O. M. Ivanov, A. G. Karapetov et al.; ed. by A. G. Karapetov. Moscow, 2019. 916 p. (In Russ.).
7. *Zashhita grazhdanskikh prav: izbrannyye aspekty: sbornik statey* [Protection of Civil Rights: Selected Aspects: Collection of Articles]. Yu. N. Alferova, Yu. V. Baygusheva, Yu. V. Vinichenko et al.; ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, 2017. 432 p. (In Russ.).
8. Kругликова Е. В. *Titul'noe obespechenie kak sposob obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv* [Title Security as a Method of Securing Obligations]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii* – Issues of Russian Justice. 2019. Issue 3. Pp. 414–432. (In Russ.).
9. Kuznetsova O. A. *Normy-printsipy rossiyskogo grazhdanskogo prava* [Norms-Principles of Russian Civil Law]. Moscow, 2006. 269 p. (In Russ.).

номического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 83–114.

14. Панченко П. В. Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2018. 188 с.

15. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг.: Изд. юрид. кн. склада «ПРАВО», 1917. 328 с.

16. Райхер В. К. Абсолютные и относительные права. (К проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2, т. 7. С. 144–204.

17. Сорокина Е. А. Принцип добросовестности (BONNE FOI) в договорном праве Франции // Юридические записки. 2011. № 1. С. 114–123.

18. Шполтаков О. В. Правовое регулирование преддоговорных отношений в российском гражданском праве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016. 179 с.

19. Adar Y., Gelbard M. The Role of Remedies in The Relational Theory of Contract – A Preliminary Inquiry // European Review of Contract Law. 2011. Issue 7.

20. Axelrod R., Hamilton W. D. The Evolution of Cooperation // Science, New Series. 1981. Vol. 211, Issue 4489. Pp. 1390–1396.

21. Brandenburger A., Nalebuff B. Co-opetition: 1. A Revolutionary Mind-Set that Competition and Cooperation. 2. The Game Theory Strategy that's Changing the Game of Business. New York, 1996. 304 p.

22. Brox H., Walker W.-D. Allgemeines Schuldrecht. 41. Auflage, 2017. § 7. Rn. 1. 494 p.

23. Demogue R. Traité des obligations en general. 1931. T. VI. 756 p.

24. General clauses and standards in European contract law: comparative law, EC law and contract law codification; ed. by S. Grundmann, D. Mazeaud. Kluwer Law International. 2006. 221 p.

25. Giles N. J. Rethinking the cooperation clause in standard liability insurance contracts // University of Pennsylvania Law Review. Jan. 2013. Vol. 161. Pp. 585–621.

26. Gruneberg Ch. Palandt Kommentar zum BGB. 75. Auflage, 2016. § 242. Rn. 15–16.

27. Huageng Xu. The trust mechanism in private law: fiduciary duty and good faith as ex-

amples // Renmin Chinese Law Review: Selected Papers of The Jurist. 2019. Vol. 7. Pp. 1–19.

28. Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Erster Band: Allgemeiner Teil. München, 1987. 668 S.

29. Mekki M. The General Principles of Contract Law in the 'Ordonnance' on the Reform of Contract Law // Louisiana Law Review. 2016. LXXVI. Pp. 1193–1211.

30. Parikshit G., Debraj R. Cooperation in Community Interaction without Information Flows // The Review of Economic Studies. 1996. Vol. 63, Issue 3. Pp. 491–519. DOI: 10.2307/2297892.

31. Pedamon C., Vassileva R. The Duty to Cooperate in English and French Contract Law. One Channel, Two Distinct Views // Forthcoming in the Journal of Comparative Law. 2019. Vol. XIV, Issue 1. Pp. 1–25.

32. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full edition. Vol. I. Munich: sellier, 2009. 1604 p.

33. Rothschild M. Bionomics: Economy as Ecosystem. New York: Henry Holt, 1992.

34. Schwartz A., Scott R. E. Precontractual liability and preliminary agreements // Harvard Law Review. 2007. Vol. 120, Issue 3. DOI: 10.7916/D8T440MF.

35. Schwenzer I., Hachem P., Kee C. Global Sales and contract law. New York: Oxford University Press Inc., 2012.

36. Strätz H.-W. Treu und Glauben. Band 1: Beiträge und Materialien zur Entwicklung von Treu und Glauben in deutschen Privatrechtsquellen vom 13. bis zur Mitte 17. Jahrhunderts. Paderborn, Schöningh, 1997.

37. Vaheesan S. Privileging Consolidation and Proscribing Cooperation: The Perversity of Contemporary Anti private law Law // Journal of Law and Political Economy. 2020. Issue 1. Pp. 28–45.

38. Wendt O. Lehrbuch der Pandekten. 1888. 922 p.

39. Yildirim A. E. The concept of pre-contractual duties and a comparison between The Draft Common Frame of Reference, English and Turkish legal systems // Ankara Avrupa Calismalari Dergisi. 2017. Issue 16(2). DOI: 10.1501/Avras_00000000257.

10. Kucher A. N. Teoriya i praktika preddogovornogo etapa: yuridicheskiy aspekt [Theory and Practice of the Pre-Contractual Stage: the Legal Aspect]. Moscow, 2005. 363 p. (In Russ.).

11. Morozov S. Yu. Sistema transportnykh organizatsionnykh dogovorov [System of Transport Organizational Contracts]. Moscow, 2011. 352 p. (In Russ.).

12. Nam K. V. Istoriya printsipa dobrosovestnosti (TREU UND GLAUBEN) do prinyatiya Germanskogo grazhdanskogo ulozheniya [History of the Good Faith Principle (TREU UND GLAUBEN) prior to the Adoption of the German Civil Code]. Lex Russica. 2018. Issue 5 (138). Pp. 97–108. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.138.5.097-108. (In Russ.).

13. Nam K. V. Razvitie printsipa dobrosovestnosti (Treu und Glauben). Sovremennyy etap. Vnutrennyaya sistematika [Development of the Good Faith Principle (Treu und Glauben). Modern Stage. Internal Systematics]. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii – Herald of Economic Justice. 2018. Issue 7. Pp. 83–114. (In Russ.).

14. Panchenko P. V. Printsip sodeystviya storon obyazatel'stva v rossiyskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk [The Principle of Cooperation of the Parties to an Obligation in Russian Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2018. 188 p. (In Russ.).

15. Pokrovskiy I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [Main Problems of Civil Law]. Petrograd, 1917. 328 p. (In Russ.).

16. Raykher V. K. Absolyutnye i otnositel'nye prava. (K probleme deleniya khozyaystvennykh prav). V osobennosti primenitel'no k sovetskomu pravu [Absolute and Relative Rights. (On the Problem of Economic Rights Division). Particularly with Regard to Soviet Law]. Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review. 2007. Issue 2. Vol. 7. Pp. 144–204. (In Russ.).

17. Sorokina E. A. Printsip dobrosovestnosti (BONNE FOI) v dogovornom prave Frantsii [Good Faith Principle (BONNE FOI) in French Contract Law]. Yuridicheskie zapiski – Legal Notes. 2011. Issue 1. Pp. 114–123. (In Russ.).

18. Shpol'takov O. V. Pravovoe regulirovanie preddogovornykh otnosheniy v rossiyskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk [Legal Regulation of Pre-Contractual Relations in Russian

Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 179 p. (In Russ.).

19. Adar Y., Gelbard M. The Role of Remedies in the Relational Theory of Contract – A Preliminary Inquiry. European Review of Contract Law. 2011. Issue 7. (In Eng.).

20. Axelrod R., Hamilton W. D. The Evolution of Cooperation. Science, New Series. 1981. Vol. 211. Issue 4489. Pp. 1390–1396. (In Eng.).

21. Brandenburger A., Nalebuff B. Co-opetition: 1. A Revolutionary Mindset That Combines Competition and Cooperation. 2. The Game Theory Strategy That's Changing the Game of Business. New York, 1996. 304 p. (In Eng.).

22. Brox H., Walker W.-D. Allgemeines Schuldrecht. 41st ed. 2017. § 7. Rn. 1. 494 p. (In Germ.).

23. Demogue R. Traité des Obligations en General. 1931. Vol. VI. 756 p. (In Fr.).

24. General Clauses and Standards in European Contract Law: Comparative Law, EC Law and Contract Law Codification. Ed. by S. Grundmann, D. Mazeaud. Kluwer Law International, 2006. 221 p. (In Fr.).

25. Giles N. J. Rethinking the Cooperation Clause in Standard Liability Insurance Contracts. University of Pennsylvania Law Review. January 2013. Vol. 161. Pp. 585–621. (In Eng.).

26. Gruneberg Ch. Palandt Kommentar zum BGB. 75th ed. 2016. § 242. Rn. 15–16. (In Germ.).

27. Huageng Xu. The Trust Mechanism in Private Law: Fiduciary Duty and Good Faith as Examples. Renmin Chinese Law Review: Selected Papers of The Jurist. 2019. Vol. 7. Pp. 1–19. (In Eng.).

28. Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Vol. 1: Allgemeiner Teil. Munich, 1987. 668 p. (In Germ.).

29. Mekki M. The General Principles of Contract Law in the 'Ordonnance' on the Reform of Contract Law. Louisiana Law Review. 2016. Vol. LXXVI. Pp. 1193–1211. (In Eng.).

30. Parikshit G., Debraj R. Cooperation in Community Interaction without Information Flows. The Review of Economic Studies. 1996. Vol. 63. Issue 3. Pp. 491–519. DOI: 10.2307/2297892. (In Eng.).

31. Pedamon C., Vassileva R. The Duty to Cooperate in English and French Contract Law. One Channel, Two Distinct Views. Journal of Comparative Law. 2019. Vol. XIV. Issue 1. Pp. 1–25. (In Eng.).

References

1. Bogdanov V. V. *Preddogovornye pravootnosheniya v rossiyskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk* [Pre-Contractual Legal Relations in Russian Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 155 p. (In Russ.).
2. Gaydaenko Sher N. I. *Al'ternativnye mekhanizmy razresheniya sporov kak instrument formirovaniya blagopriyatnoy sredy dlya predprinimatel'skoy deyatel'nosti (opyt Rossii i zarubezhnykh stran): monografiya* [Alternative Mechanisms of Dispute Resolution as a Tool for Creating a Favorable Environment for Entrepreneurial Activity (Experience of Russia and Foreign Countries): Monograph]. Moscow, 2016. 248 p. (In Russ.).
3. Gambarov Yu. S. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'* [Civil Law. General Part]. Moscow, 2003. 816 p. (In Russ.).
4. Gnitsevich K. V. *Preddogovornaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave (culpa in contrahendo): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Pre-Contractual Liability in Civil Law (culpa in contrahendo): Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2009. 26 p. (In Russ.).
5. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t.* [Civil Law: Textbook: in 4 vols.]. Ed. by E. A. Sukhanov. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, 2019. Vol. III. 480 p. (In Russ.).
6. *Zaem, kredit, faktoring, vklad i schet: postateynny kommentariy k stat'yam 807 – 860.15 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Loan, Credit, Factoring, Deposit and Account: Article-by-Article Commentary on Articles 807 – 860.15 of the Civil Code of the Russian Federation]. V. V. Baybak, O. M. Ivanov, A. G. Karapetov et al.; ed. by A. G. Karapetov. Moscow, 2019. 916 p. (In Russ.).
7. *Zashhita grazhdanskikh prav: izbrannye aspekty: sbornik statey* [Protection of Civil Rights: Selected Aspects: Collection of Articles]. Yu. N. Alferova, Yu. V. Baygusheva, Yu. V. Vinichenko et al.; ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, 2017. 432 p. (In Russ.).
8. Kruglikova E. V. *Titul'noe obespechenie kak sposob obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv* [Title Security as a Method of Securing Obligations]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii* – Issues of Russian Justice. 2019. Issue 3. Pp. 414–432. (In Russ.).
9. Kuznetsova O. A. *Normy-printsipy rossiyskogo grazhdanskogo prava* [Norms-Principles of Russian Civil Law]. Moscow, 2006. 269 p. (In Russ.).

10. Kucher A. N. *Teoriya i praktika preddogovornogo etapa: yuridicheskiy aspekt* [Theory and Practice of the Pre-Contractual Stage: the Legal Aspect]. Moscow, 2005. 363 p. (In Russ.).
11. Morozov S. Yu. *Sistema transportnykh organizatsionnykh dogovorov* [System of Transport Organizational Contracts]. Moscow, 2011. 352 p. (In Russ.).
12. Nam K. V. *Istoriya printsipa dobrosovestnosti (TREU UND GLAUBEN) do prinyatiya Germanskogo grazhdanskogo ulozheniya* [History of the Good Faith Principle (TREU UND GLAUBEN) prior to the Adoption of the German Civil Code]. *Lex Russica*. 2018. Issue 5 (138). Pp. 97–108. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.138.5.097-108. (In Russ.).
13. Nam K. V. *Razvitie printsipa dobrosovestnosti (Treu und Glauben). Sovremennyy etap. Vnutrennyaya sistematika* [Development of the Good Faith Principle (Treu und Glauben). Modern Stage. Internal Systematics]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* – Herald of Economic Justice. 2018. Issue 7. Pp. 83–114. (In Russ.).
14. Panchenko P. V. *Printsip sodeystviya storon obyazatel'stva v rossiyskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk* [The Principle of Cooperation of the Parties to an Obligation in Russian Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2018. 188 p. (In Russ.).
15. Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Main Problems of Civil Law]. Petrograd, 1917. 328 p. (In Russ.).
16. Raykher V. K. *Absolyutnye i otnositel'nye prava. (K probleme deleniya khozyaystvennykh prav). V osobennosti primenitel'no k sovetskomu pravu* [Absolute and Relative Rights. (On the Problem of Economic Rights Division). Particularly with Regard to Soviet Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2007. Issue 2. Vol. 7. Pp. 144–204. (In Russ.).
17. Sorokina E. A. *Printsip dobrosovestnosti (BONNE FOI) v dogovornom prave Frantsii* [Good Faith Principle (BONNE FOI) in French Contract Law]. *Yuridicheskie zapiski* – Legal Notes. 2011. Issue 1. Pp. 114–123. (In Russ.).
18. Shpoltakov O. V. *Pravovoe regulirovanie preddogovornykh otnosheniy v rossiyskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Regulation of Pre-Contractual Relations in Russian Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 179 p. (In Russ.).

32. *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full edition.* Munich: Sellier. European Law Publishers GmbH, 2009. Vol. I. 1604 p. (In Eng.).
33. Rothschild M. *Bionomics: Economy as Ecosystem*. New York: Henry Holt, 1992. 423 p. (In Eng.).
34. Schwartz A., Scott R. E. *Precontractual Liability and Preliminary Agreements*. *Harvard Law Review*. 2007. Vol. 120. Issue 3. DOI: 10.7916/D8T440MF. (In Eng.).
35. Schwenzer I., Hachem P., Kee C. *Global Sales and Contract Law*. New York: Oxford University Press Inc., 2012. (In Eng.).
36. Strätz H.-W. *Treu und Glauben*. Vol. 1: Beiträge und Materialien zur Entwicklung von Treu und Glauben in deutschen Privatrechtsquellen vom 13. bis zur Mitte 17. Jahrhunderts. Paderborn: Schöningh, 1997. (In Germ.).
37. Vaheesan S. *Privileging Consolidation and Proscribing Cooperation: The Perversity of Contemporary Anti Private Law*. *Journal of Law and Political Economy*. 2020. Issue 1. Pp. 28–45. (In Eng.).
38. Wendt O. *Lehrbuch der Pandekten*. 1888. 922 p. (In Germ.).
39. Yildirim A. E. *The Concept of Pre-Contractual Duties and a Comparison between the Draft Common Frame of Reference, English and Turkish Legal Systems*. *Ankara Avrupa Calismalari Dergisi*. 2017. Issue 16(2). Pp. 171–198. DOI: 10.1501/Avraras_0000000257. (In Eng.).

References in Russia

1. Богданов В. В. Преддоговорные правоотношения в российском гражданском праве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2011. 155 с.
2. Гайдаенко Шер Н. И. Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран): монография. М., 2016. 248 с.
3. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. 816 с.
4. Гнищевич К. В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (culpa in contrahendo): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.

5. *Гражданское право: учебник; в 4 т.* / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 3. 480 с.
6. *Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807 – 860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации* / В. В. Байбак, О. М. Иванов, А. Г. Карпетов и др.; отв. ред. А. Г. Карпетов. М.: Статут, 2019. 916 с.
7. *Защита гражданских прав: избранные аспекты: сб. ст.* / Ю. Н. Алферова, Ю. В. Байгушева, Ю. В. Виниченко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2017. 432 с.
8. Кругликова Е. В. Титульное обеспечение как способ обеспечения исполнения обязательств // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 414–432.
9. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.
10. Кучер А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М.: Статут, 2005. 363 с.
11. Морозов С. Ю. Система транспортных организационных договоров. М.: Норма, 2011. 352 с.
12. Нам К. В. История принципа добросовестности (TREU UND GLAUBEN) до принятия Германского гражданского уложения // Lex Russica. 2018. № 5 (138). С. 97–108. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.138.5.097-108.
13. Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 83–114.
14. Панченко П. В. Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2018. 188 с.
15. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг.: Изд. юрид. кн. склада «ПРАВО», 1917. 328 с.
16. Райхер В. К. Абсолютные и относительные права. (К проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2, т. 7. С. 144–204.
17. Сорокина Е. А. Принцип добросовестности (BONNE FOI) в договорном праве Фран-

19. Adar Y., Gelbard M. The Role of Remedies in the Relational Theory of Contract – A Preliminary Inquiry. *European Review of Contract Law*. 2011. Issue 7. (In Eng.).
20. Axelrod R., Hamilton W. D. The Evolution of Cooperation. *Science, New Series*. 1981. Vol. 211. Issue 4489. Pp. 1390–1396. (In Eng.).
21. Brandenburger A., Nalebuff B. Co-Opetition: 1. A Revolutionary Mindset That Combines Competition and Cooperation. 2. The Game Theory Strategy That's Changing the Game of Business. New York, 1996. 304 p. (In Eng.).
22. Brox H., Walker W.-D. *Allgemeines Schuldrecht*. 41st ed. 2017. § 7. Rn. 1. 494 p. (In Germ.).
23. Demogue R. *Traité des Obligations en General*. 1931. Vol. VI. 756 p. (In Fr.).
24. *General Clauses and Standards in European Contract Law: Comparative Law, EC Law and Contract Law Codification*. Ed. by S. Grundmann, D. Mazeaud. Kluwer Law International, 2006. 221 p. (In Fr.).
25. Giles N. J. Rethinking the Cooperation Clause in Standard Liability Insurance Contracts. *University of Pennsylvania Law Review*. January 2013. Vol. 161. Pp. 585–621. (In Eng.).
26. Gruneberg Ch. *Palandt Kommentar zum BGB*. 75th ed. 2016. § 242. Rn. 15–16. (In Germ.).
27. Huageng Xu. The Trust Mechanism in Private Law: Fiduciary Duty and Good Faith as Examples. *Renmin Chinese Law Review: Selected Papers of The Jurist*. 2019. Vol. 7. Pp. 1–19. (In Eng.).
28. Larenz K. *Lehrbuch des Schuldrechts*. Vol. 1: Allgemeiner Teil. Munich, 1987. 668 p. (In Germ.).
29. Mekki M. The General Principles of Contract Law in the ‘Ordonnance’ on the Reform of Contract Law. *Louisiana Law Review*. 2016. Vol. LXXVI. Pp. 1193–1211. (In Eng.).
30. Parikshit G., Debraj R. Cooperation in Community Interaction without Information

Информация об авторе:

А. А. Федосеев, аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-1301-827X
ResearcherID: AAO-2672-2021

- Flows. *The Review of Economic Studies*. 1996. Vol. 63. Issue 3. Pp. 491–519. DOI: 10.2307/2297892. (In Eng.).
31. Pedamon C., Vassileva R. The Duty to Cooperate in English and French Contract Law. One Channel, Two Distinct Views. *Journal of Comparative Law*. 2019. Vol. XIV. Issue 1. Pp. 1–25. (In Eng.).
32. *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law*. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full edition. Munich: Sellier. European Law Publishers GmbH, 2009. Vol. I. 1604 p. (In Eng.).
33. Rothschild M. *Bionomics: Economy as Ecosystem*. New York: Henry Holt, 1992. 423 p. (In Eng.).
34. Schwartz A., Scott R. E. Precontractual Liability and Preliminary Agreements. *Harvard Law Review*. 2007. Vol. 120. Issue 3. DOI: 10.7916/D8T440MF. (In Eng.).
35. Schwenzer I., Hachem P., Kee C. *Global Sales and Contract Law*. New York: Oxford University Press Inc., 2012. (In Eng.).
36. Strätz H.-W. *Treu und Glauben*. Vol. 1: Beiträge und Materialien zur Entwicklung von Treu und Glauben in deutschen Privatrechtsquellen vom 13. bis zur Mitte 17. Jahrhunderts. Paderborn: Schöningh, 1997. (In Germ.).
37. Vaheesan S. Privileging Consolidation and Proscribing Cooperation: The Perversity of Contemporary Anti Private Law. *Journal of Law and Political Economy*. 2020. Issue 1. Pp. 28–45. (In Eng.).
38. Wendt O. *Lehrbuch der Pandekten*. 1888. 922 p. (In Germ.).
39. Yildirim A. E. The Concept of Pre-Contractual Duties and a Comparison between the Draft Common Frame of Reference, English and Turkish Legal Systems. *Ankara Avrupa Calismalari Dergisi*. 2017. Issue 16(2). Pp. 171–198. DOI: 10.1501/Avraras_0000000257. (In Eng.).

About the author:

А. А. Fedoseev
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-1301-827X
ResearcherID: AAO-2672-2021

- ции // Юридические записки. 2011. № 1. С. 114–123.
18. Шполтаков О. В. Правовое регулирование преддоговорных отношений в российском гражданском праве: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016. 179 с.
19. Adar Y., Gelbard M. The Role of Remedies in The Relational Theory of Contract – A Preliminary Inquiry // *European Review of Contract Law*. 2011. Issue 7.
20. Axelrod R., Hamilton W. D. The Evolution of Cooperation // *Science, New Series*. 1981. Vol. 211, Issue 4489. Pp. 1390–1396.
21. Brandenburger A., Nalebuff B. Co-opetition: 1. A Revolutionary Mind-Set that Competition and Cooperation. 2. The Game Theory Strategy that's Changing the Game of Business. New York, 1996. 304 p.
22. Brox H., Walker W.-D. *Allgemeines Schuldrecht*. 41. Auflage, 2017. § 7. Rn. 1. 494 p.
23. Demogue R. *Traité des obligations en general*. 1931. T. VI. 756 p.
24. *General clauses and standards in European contract law: comparative law, EC law and contract law codification*; ed. by S. Grundmann, D. Mazeaud. Kluwer Law International. 2006. 221 p.
25. Giles N. J. Rethinking the cooperation clause in standard liability insurance contracts // *University of Pennsylvania Law Review*. Jan. 2013. Vol. 161. Pp. 585–621.
26. Gruneberg Ch. *Palandt Kommentar zum BGB*. 75. Auflage, 2016. § 242. Rn. 15–16.
27. Huageng Xu. The trust mechanism in private law: fiduciary duty and good faith as examples // *Renmin Chinese Law Review: Selected Papers of The Jurist*. 2019. Vol. 7. Pp. 1–19.
28. Larenz K. *Lehrbuch des Schuldrechts*. Erster Band: Allgemeiner Teil. München, 1987. 668 S.

About the author:

А. А. Fedoseev
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-1301-827X
ResearcherID: AAO-2672-2021

29. Mekki M. The General Principles of Contract Law in the ‘Ordonnance’ on the Reform of Contract Law // *Louisiana Law Review*. 2016. LXXVI. Pp. 1193–1211.
30. Parikshit G., Debraj R. Cooperation in Community Interaction without Information Flows // *The Review of Economic Studies*. 1996. Vol. 63, Issue 3. Pp. 491–519. DOI: 10.2307/2297892.
31. Pedamon C., Vassileva R. The Duty to Cooperate in English and French Contract Law. One Channel, Two Distinct Views // *Forthcoming in the Journal of Comparative Law*. 2019. Vol. XIV, Issue 1. Pp. 1–25.
32. *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law*. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full edition. Vol. I. Munich: sellier, 2009. 1604 p.
33. Rothschild M. *Bionomics: Economy as Ecosystem*. New York: Henry Holt, 1992.
34. Schwartz A., Scott R. E. Precontractual liability and preliminary agreements // *Harvard Law Review*. 2007. Vol. 120, Issue 3. DOI: 10.7916/D8T440MF.
35. Schwenzer I., Hachem P., Kee C. *Global Sales and contract law*. New York: Oxford University Press Inc., 2012.
36. Strätz H.-W. *Treu und Glauben*. Band 1: Beiträge und Materialien zur Entwicklung von Treu und Glauben in deutschen Privatrechtsquellen vom 13. bis zur Mitte 17. Jahrhunderts. Paderborn, Schöningh, 1997.
37. Vaheesan S. Privileging Consolidation and Proscribing Cooperation: The Perversity of Contemporary Anti private law Law // *Journal of Law and Political Economy*. 2020. Issue 1. Pp. 28–45.
38. Wendt O. *Lehrbuch der Pandekten*. 1888. 922 p.
39. Yildirim A. E. The concept of pre-contractual duties and a comparison between The Draft Common Frame of Reference, English and Turkish legal systems // *Ankara Avrupa Calismalari Dergisi*. 2017. Issue 16(2). DOI: 10.1501/Avraras_0000000257.

Информация об авторе:

А. А. Федосеев, аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-1301-827X
ResearcherID: AAO-2672-2021